VISIT…

"Тайное искусство ночных демонов"
Тай Геннадий

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 1
I. ИСТОРИЯ 2
II. ИСТОКИ МАСТЕРСТВА 4
III. ОТТАЧИВАНИЕ ЧУВСТВ 7
IV. МЕДИТАЦИЯ И ТАНТРИЧЕСКАЯ МАГИЯ ЯМАБУСИ 10
V. БОЙ БЕЗ ОРУЖИЯ 13
VI. ИСКУССТВО МЕНТАЛЬНОЙ МОЩИ 19
VII. РАБОТА ОРУЖИЕМ 22
VIII. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ 31
IX. НАУКА ПРОКРАДЫВАНИЯ 34
X. ПУТИ СПАСЕНИЯ 38
XI ТЕХНИКИ ШПИОНАЖА И АКЦИИ СПЕЦНАЗА 40
XII. ИСКУССТВО ГАСИТЬ ОБЛИКИ 43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 45

ВВЕДЕНИЕ

Тысячелетиями люди Земли пытались обрести силу богов. "Творить невозможное" - стало девизом многих дерзких людей, сломавших барьеры ограничений ума и познавших истину, которая, как утверждали святые книги, делала их свободными.

Среди различных братств, вступивших на опасную тропу, были и легендарные ниндзя, супершпионы средневековой Японии, тень которых неуловимо скользит по столбцам исторических хроник Страны восходящего солнца. Изощренность их не знала границ, ибо они отлично понимали, что лишь необычность жизненных техник и хитроумность используемых приспособлений давала человеку-призраку шанс не только выжить, но и оправдать свое предназначение, а значит, и выполнить свой долг.

Японский иероглиф "нинь" означает "прокрадывание", "тайность", "стойкость", "настойчивость"... Ниндзюцу же можно определить как искусство духовно-физического совершенствования человека, используемое для выживания и процветания клана или общества с применением методов скрытного ("темного) управления ситуацией. Ввиду тайного характера действий, на поверхность вышли диверсионно-террористические аспекты этой науки, более явные и дерзкие, а потому красочно рекламируемые во многих фильмах и легендах нашего тоскующего по истинному герою времени.

Хотя японские ниндзя были по-своему уникальны, сходные техники существовали и в элитарной военно-религиозной организации корейских хваранов с их практикой необычайной ментальной (психической) мощи, позволяющей искусному мастеру исчезать среди окружающих и нейтрализовать противника умелой реализацией вселенской витальной энергии "ки".

Соседний Китай породил своих воинов-невидимок вроде знаменитого клана Лесных Демонов (линь куэй) или смертоносной секты Черного Дракона Возмездия, разработавшей уникальные техники уничтожения неугодных ей лиц. В этом же ряду пребывали и бродячие буддийские монахи с их утонченной системой люгай мэнь, и универсальные наемные политические комбинаторы цэши. Сюда в какой-то мере можно отнести и фанатичных ассасинов из зловещего исламского ордена Хасана ибн Саббаха, сеявших страх и опустошение в среде высших сословий средневековой Европы, а также воинов-иезуитДв из вездесущего католического братства Игнатия Лойолы.

Традиции черных демонов не канули в Лету. Уже в нашем столетии парни Отто Скорцени крадут из недоступного партизанского края Италии скрываемого там фашистского вождя Муссолини; американская "Дельта" пытается вызволить соплеменников из захваченного фанатиками посольства в беснующемся Иране; ребята из нашего спецназа выхватывают сослуживцев из лап афганских душманов, а государственные перевороты в очередной стране, выдаваемые за волю народа, на деле оказываются делом рук тех или иных спецслужб...

Надо сказать, что в Японии с ее культом прошлого не забыли своих ниндзя. В районах обитания таинственных кланов созданы музеи, заботливо хранящие остатки былого могущества воинов тени; тщательно изучаются случайно обнаруженные исследователями трактаты по шпионажу, а ныне здравствующие потомки ушедших в ничто призраков передают другим некоторые из доставшихся им по семейному наследству техник. Были изданы работы Хэйситиро Окусэ о психологии и тактиках ниндзюцу и серия книг Масааки Хацуми по его боевой практике.

Слух о ниндзя проник и на Запад. Бывший британский разведчик, создатель знаменитой джеймсбондовской серии, Иэн Флеминг попробовал разобраться в их искусстве, но, судя по его высказываниям, ему это не удалось. Большего успеха достиг американский журналист Эндрью Адаме, чья информативная работа о ниндзя пользовалась в семидесятых годах на Западе вполне заслуженной популярностью.

Прочитав ее, некий Стивен Хейс отбыл в Японию, где оказался первым неяпонским учеником мастера Хацуми. Вернувшись в США, он открыл там свою студию, выдал серию публикаций и стал считаться "отцом американского ниндзюцу".

Не остались в стороне и другие мастера современного будо ("пути воина"), попытавшиеся создать собственные школы ниндзя и выпускающие работы, основанные скорее не на знаниях истории, а на экзотике и личном представлении о модном

сейчас искусстве. И в этом, по-видимому, есть смысл, ибо, если бы ниндзя действовали сегодня, они явно не пренебрегли бы многими из приписываемых им теперь техник.

Как бы то ни было, автор выражает искреннюю благодарность всем упомянутым и некоторым другим лицам, тем, кто способствовал его пониманию ниндзюцу и вольно или невольно помог в написании этой небольшой обзорной работы.

I. ИСТОРИЯ

Начала ниндзюцу темны и неуловимы, но некоторые полагают, что его создание связано с зарождением Японии, основателем которой почитается полумифический император Дзимму (Божественный Воин), заложивший в VII в. до н.э. прочный фундамент царского рода Ямато. Легенда гласит, что однажды будущему императору, которому для решающей победы нужно было одолеть противников из замка Исо, было во сне видение, где ему советовалось взять глину со священной горы Амакага, расположенной в центре вражеской территории, и превратить ее в священный сосуд. С тех пор получение желанной глины стало основной целью Дзимму в его стремлении покорить замок Исо. Эту довольно трудную задачу с блеском разрешили два верных вассала Божественного Воина-Синэтсухико и Отокаси, которые под видом крестьянина и его жены проникли на вражескую территорию и, набрав нужного минерала, успешно вернулись назад. Из полученного сырья была изготовлена священная посуда, которую торжественно посвятили богам удачи, что в конечном счете, как гласит легенда, и определило судьбу будущего императора.

Иероглиф «нин»

После этих событий след ниндзюцу надолго исчезает и появляется лишь в периоде мудрой и активной деятельности наследного принца Сётоку (574-622 гг.), среди сподвижников которого был воин Отомо Сайдзи, поставлявший ему весьма ценную информацию во время войны за землю Оми. Сётоку очень ценил его помощь и даровал Отомо имя Синоби (крадущийся), от которого и произошел термин нинь-дзющр.

Период Хэан (794-1185 гг.) открыл для ниндзюцу новые пути и возможности. Из Китая была завезена известная работа Сунь-цзы по искусству войны, одна из глав которой целиком посвящалась использованию шпионов; знаменитый монах Кукай основал эзотерическую (т.е. тайного знания) секту тантрического буддизма Сингон ("истинное слово"), а крушение в 907 году китайской династии Тан привело в Японию много тамошних воинов, ученых и монахов, которые занесли туда свои военные стратегии, религиозные доктрины, культурные концепции и медицинские практики. Этот наплыв чужой культуры смешался с местной традицией, носителями которой являлись таоистские отшельники сэннин и "горные воители" ямабуси.

Первые из них пытались познать законы природы и обрести гармонию тела и духа, используя для этого методы медитации, шаманизма и физической закалки, тогда как вторые стремились не только войти в гармонию со Вселенной, но и направить ее могучие силы в нужное для себя русло. В результате таких устремлений было создано учение Сюгэндо ("путь обретения могущества), передававшееся, как и всякая уважающая себя тайная доктрина, изустно. Не пользуясь любовью правительства, которое устраивало на самозваных монахов гонения, горные воины разработали свои тактики боя (яма-буси-хэйхо), напоминающие действия современных коммандос. Суть их заключалась в том, что врагу_ трудно победить того, кого он не видит, ибо при этом неясно, куда нанести удар, тогда как он сам может быть атакован где угодно и когда угодно.

В это же время в процессе постоянных междуусобиц в Японии окончательно сформировались крупные самурайские кланы. Изучивший трактат Сунь-цзы знаменитый воин Минамото Ёсицунэ (1159-1189 гг.) стал тренировать своих людей в ниндзюцу, что несомненно помогло в свержении правителей дома Тайра и установлении сегуната (правления воинского сословия) во главе с верховным военачальником сегуном, первым из которых стал старший брат Ёсицунэ, коварный Еритомо (1147-1199 гг.).

В последовавший затем период Камакура (1192-1333 гг.) многие самураи были изгнаны из дворца или, потеряв своего сюзерена, стали ронинами (самураями без хозяина). Они нашли убежище в горах Ига и Кога, поселившись там как дзидзамураи (воины, живущие подобно селянам). Изгнанники постоянно подвергались нападениям правительственных войск, которые пытались их истребить, и были вынуждены создавать и совершенствовать боевые техники, требующие минимального снабжения и оснащения.

Неоценимую помощь в этом им оказали соседи ямабуси, открывшие в тех местах свои ниндзины школы.

Затем доступ в эти районы прекратился и организации стали клановыми, то есть связанными крепкими узами кровного родства.

В XIII столетии в провинции Ига, холмистом и безлюдном районе центральной Японии расцвели кланы Хаттори и Момоти, открывшие новую главу в независимом становлении темного искусства ночных демонов.

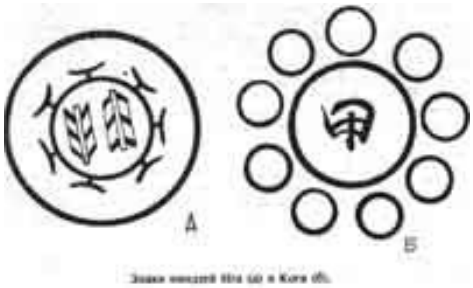
На возможности темных сил обратили внимание и- воины-аристократы (буси), причем очередной шаг в развитии ниндзюцу сделал известный своей доблестью и верностью императору легендарный воин Кусуноки Масасигэ (ум. в 1336 г.), который,

сражаясь против дома Ходзё организовал школу Кусуноки-рю, действовавшую на основе шпионской сети из сорока восьми ниндзей Ига, размещенных в городах Киото, Осака и Кобэ.

В период Асикага (1333-1573 гг.) с его постоянными междуусобицами ниндзя чувствовали себя как рыба в воде. Особенно укрепилось их положение с 1467 года, после боя Онин но Ран, когда они получили официальное признание от сегуна Асикага Ёсимицу.

К XVI веку в размытой смутой стране насчитывалось около семидесяти кланов ниндзя (из них пятьдесят три в Кога), а самыми известными руководителями того времени были: Хаттори Хандзо (центральная часть Ига), Момоти Сандаю (южная часть Ига) и Фудзибаяси Нагато (северная часть Ига и юг Кога). Отдельные школы ниндзя были и в других местах, причем каждая из них имела свою мотивацию, специализацию и известные только ей техники.

В Японии к тому времени появилось несколько крупных лидеров, стремящихся объединить ослабленную и разрозненную страну ,в единое и могучее государство. Один из них, сильный и умный Такэда Сингэн (1521-1573 гг.), имел в своем распоряжении около семидесяти суппа (ниндзей-диверсантов) Кога и уникальную шпионскую сеть, сотканную из мико (служительниц синтоистских святилищ), которой руководила Мотидзуки Тиёмэ, вдова владельца замка Мотидзу-ки в провинции Нагано. Создавая свою сеть, Тиёмэ собрала из различных районов страны бедных сироток и обучала их как будущих мико, параллельно тренируя в качестве куноити (женщин-ниндзя).



Смерть Такэда Сингэна помешала ему осуществить задуманное, и фактическими объединителями Японии стали жестокий Ода Нобунага (1534-1582 гг.)и его младший сподвижник Тоётоми Хидэёси (1536- 1598 гг.).

Эти лидеры использовали много шпионов, но среди них не было ниндзей Ига и Кога, поскольку грозные полководцы были яростными врагами местного буддизма. Более того, горные ниндзя несколько раз покушались на жизнь Ода, и суровый генерал решил раз и навсегда покончить с непокорными призраками.

В ноябре 1581 года 46-тысячная армия Ода вторглась в провинцию Ига и в бою Тэнсё Ига но Ран разгромила 4-тысячный сборный отряд тамошних ниндзя, многие из которых были уничтожены в схватке, некоторые - казнены, а остальные разбрелись по всей Японии, оседая в тех или иных местах.

То, что не смогли сделать ниндзя, сделал предатель. Через год Ода Нобунага, будучи неожиданно атакован воинами своего же военачальника Акэти, понял, что его положение безнадежно, облачился в белое праздничное кимоно и совершил ритуальное самоубийство (сэп-пуку). Узнав о коварной измене, Тоётоми сокрушил войска мятежника и в 1590 году завершил объединение Японии. При этом он нанес ниндзя еще один чувствительный удар, разгромив в 1585 году монастырь Нэгоро, оплот сильной ниндзиной группировки Нэгоро-рю, во главе которой стоял искусный шпион и стрелок Сугинобо Минсан.

Во время мятежа Акэта в опасной близости от расположения врага оказался и будущий сёгун, а тогда один из соратников Ода Токугава Иэясу (1542-1616 гг.). Чтобы спастись, он воспользовался услугами уже упоминавшегося Хаттори Хандзо, который собрал более трехсот ниндзя и обеспечил полководцу безопасный проход по территории раздираемых смутой провинций Ига и Исэ в его родовой замок Окад-заки. В беседе с Иэясу Хандзо проявил завидную осведомленность о действиях и намерениях различных даймё (крупных феодалов) и даже самого императора, что произвело на Токугава очень сильное впечатление, и он сделал ловкого ниндзя главой своей секретной службы.

Приступив к делу, Хаттори создал в замке господина посты "садовников", выполнявших заодно роль телохранителей, а при необходимости и лазутчиков, посылаемых разузнать о действиях соседних даймё. Дело, однако, осложнялось тем, что и у тех были свои ниндзя, а посему такие акции не всегда венчались успехом. Видя, опасность смут, которые не обходились без тайных сил, сёгун Токугава под страхом смерти запретил не только практиковать ниндзюцу, но и упоминать о нем.

В период этого сёгуната (1603-1868 гг.) с его жестокой и сильной властью ниндзюцу медленно, но неумолимо сходило с подмостков японской истории. Бывшие ниндзя стали полицейскими агентами (мэцукэ), телохранителями и дерзкими разбойниками, вроде знаменитого Исикава Гоэмона или членов известной диверсионной группировки Фума-рю, выродившейся в шайку пиратов, действовавшую во внутреннем море.

Отдельные техники ниндзя впитали в себя некоторые воинские искусства, но многое забывалось. Пытаясь сохранить ниндзюцу для потомков, некий Фудзибаяси Ясутакэ составил в 1676 году знаменитую энциклопедию "Бансэн сюкай" ("Десять тысяч рек собираются в море), в десяти томах которой описал знания и техники различных семейных систем Ига и Кога.

Революция Мэйдзи (1868 г.) не могла возродить ниндзюцу, и хранимое в тайне искусство так и осталось уделом единичных групп фанатичных последователей. Полагают, что последним подлинным ниндзя был Фудзита Сэйко (школа Кога), выполнявший задания императорского двора еще в первой половине нашего столетия.

Ниндзюцу, однако, не исчезло без следа, так как в Японии есть люди, пытающиеся сохранить его традиции. Отдельные элементы этого темного искусства изучаются в разведывательных и коммерческих школах, а методы физической подготовки привлекают пристальное внимание спортсменов. Американец Хейс попытался ввести любительское ниндзюцу в Америке, была даже создана международная федерация, но... время уже не то. Все это скорее напоминает экзотическую игру, а не прозу суровой жизни, без которой искусство ночных демонов теряет свой основной смысл. Но как бы. то ни было, все истинные приверженцы мастерства загадочных невидимок заслуживают глубочайшего уважения за их отчаянную попытку возродить умирающий дух уникального искусства, ибо потеря любого национального проявления обедняет духовное состояние всего человечества.

II. ИСТОКИ МАСТЕРСТВА

Итак - ниндзя! Что же делало этих таинственных и уникальных людей той силой, перед которой в мистическом ужасе трепетали не ведающие страха гордые самураи, не говоря уже о простых селянах, веривших, что только демоны, но не люди, могут ходить по воде, летать в небесах, исчезать на глазах и оставаться в живых под яростными ударами бритвенно-острых мечей кровожадных буси? Ответ прост: тренинг и знания. Но простота слов совсем не означала легкость их воплощения.

Появившись на свет, маленький ниндзя тут же начинал свое трудное восхождение по опасной тропе средневекового супермена. Жизнь становилась тренингом, а тренинг - жизнью. Мистические идеи, отточенные ямабуси, помноженные на реальные шансы хорошо тренированного тела и развитую обстоятельствами живость ума, создавали особый тип личности, обладавший своеобразной элитарностью и верой в неисчерпаемость своих возможностей. И это имело под собой весьма прочное основание, в чем легко убедиться, взглянув на список некоторых из дисциплин, изучавшихся теневыми воинами уникального старояпонского спецназа. В программу их тренинга в частности входили:

1. СЕЙСИН ТЭКИ КЕЁ (духовная чистота). Извечной судьбой ниндзя было привычное балансирование между фальшью и истиной. Позволяя противнику заблуждаться, он сам ни в коей мере не должен был терять чувства текущей реальности. Чтобы уверенно бродить как по светлым (явным), так и темным (тайным) тропам жизни, следовало обрести чистое сердце, излучающее внутренний свет, помогающий не терять свое "я" и не зависеть от внешних условий и обстоятельств. Практически это достигалось через медитацию (мокусо) и тайные знания вселенной (нин-по миккё).

Освоение китайской книги "И-цзин" позволяло интуитивно постигать зарождение, ход и упадок любой ситуации и на этой основе избирать тот или иной путь намечаемых действий, а знаменитая восточная доктрина инь-ян (яп, ин-ё) объясняла работу Вселенной и освобождала от догматических трактовок типа "свет-тьма" или "хорошо-плохо", ибо то, что было верным вчера, могло стать ошибочным завтра.

2. Ю-ГЭЙ (традиционные искусства). Вопреки расхожим представлениям, истый ниндзя отнюдь не был примитивным боевиком, способным сеять лишь одни разрушения. Совершенствуя себя, он впитывал утонченную культуру своего времени: изучал искусство поэзии (фуга), традиционное пение (эйкёку), японский народный танец (буе), чайную церемонию (тядо), искусство "оживления" цветов (кадо), каллиграфию (седо), и т.д. Стабилизируя психику, эти умения шлифовали личность и были весьма полезны в шпионской работе, требующей от воина постоянного перехода в ту или иную ипостась.

3. ДЗЮНАН-ТАЙСО (поддержание психической и физической формы). Поскольку от физического совершенства ниндзя; зависело слишком многое, он не мог пустить это дело на самотек. До нужной кондиции его тело доводили специальные йогоподобные упражнения, развивающие гибкость, эластичность и расслабляемость; упражнения на силу, ловкость и выносливость, , а также своеобразная тренировка мгновенного реагирования, экстрасенсорного восприятия и психической стойкости.

4. САЙМИН-ДЗЮЦУ (искусство ментальной мощи). Обычно под этим подразумевали гипноз, а точнее самогипноз, который позволял "выйти на подсознание" и использовать возникающие отсюда возможности для решения самых разнообразных задач, таких, например, как запуск в себе программы желаемого мастерства или состояния, скрытное внедрение в умы окружающих, получение нужной информации от "внутреннего наставника" и т.д. Иногда сюда же относят волевое управление вселенской биоэнергией ки, дающей возможность обезболить ту или иную часть тела, уменьшить или увеличить свой вес, усилить или ускорить удар, создавать "ментальные доспехи", а также проводить нетрадиционные атаки глазами, криком, смертельным касанием...

5. КУДЗИ-КИРИ (магия пальцевых жестов). В эту составную часть эзотерического (тайного) знания миккё входили техника использования пальцевых узлов (кудзи-ин) и динамика пальцевого жеста (кудзи-кири), которые в сочетании с мантрой (дзюмон) и ментальным устремлением (нэнрики) позволяли выявить в себе божественные силы, делающие желаемое реальным.

6. НИН-ПО ТАЙ-ДЗЮЦУ (бой без оружия). Жестокое время требовало жестоких решений. Хотя ниндзя предпочитал не ввязываться в открытую схватку, случалось всякое. Чтобы с честью выйти из опасного положения, лазутчик "пропитывал" себя духом и навыками специфического рукопашного боя, кодированного на ситуацию и конкретного противника. В тренировочных лагерях изучали боевые перемещения, падения, акробатические прыжки и перекаты (тайхэн-дзюцу); отрабатывали удары рукой и ногой (дакэн-тайдзюцу); учились проводить сковывающие захваты и удушения (дзю-тайдзюцу), познавали техники пальцевого давления и атаки жизненно важных точек противника (косидзюцу).

7. СУЙ-РЭН (водный тренинг). Поддерживая свою темную репутацию, ниндзя учился долго пребывать под водой и бесшумно плавать; практиковал незаметное пересечение водных преград и ныряние на мелководье; отрабатывал навыки плавания в штормовую погоду и со связанными конечностями (сюсоку-гарами); овладевал приемами борьбы в воде (аси-гарами) и на плоту (икада-дзумо), постигал устройства всевозможных запруд и осадных плотин, а также обучался

пользоваться специальными плавательными средствами и конструкциями, вроде приспособленной для тайной переноски составной лодки цугифунэ или портативных ножных поплавков укидару.

8. БА-ДЗЮЦУ (езда на коне). В соответствии со спецификой действий ниндзя учился завораживать чужих лошадей, упражнялся в бесшумной езде и скрытном форсировании рек, занимался классической джигитовкой, включающей в себя вскакивание на скакуна в динамике боя, безопасное падение с него на землю, свешивание с седла, притворяясь убитым, сползание под брюхо или на бок коня, спасаясь от стрел или нежелательных взглядов и т.д.

9. КАЯКУ-ДЗЮЦУ (использование огня и взрывчатки). И то и другое обычно применялось как для разрушения чего либо, так и для отвлечения внимания соперников. Ослепляющие и дымовые гранаты (хидама, нагэтэппо, ториноко) помогали незаметно проскальзывать мимо врагов и исчезать из опасного места, земляные мины (дзираи) отправляли противников на тот свет, а кодовые сигнальные огни (нороси) позволяли принимать приказы и передавать сообщения с весьма отдаленных расстояний. Надо сказать, что многие трюки из этого искусства отнюдь не устарели и широко используются (или могут использоваться) самыми различными спецгруппами во всем мире.

10. ЯГЭН Сфармацевтика). Исповедуя принцип самообеспечения, ниндзя, подобно арабскому алхимику или китайскому даосу, познавал сложные тайны "сплетения" веществ, изготовляя из них лекарства и высокоэнергетическую пищу, всевозможные яды и сильные снотворныё ослепляющие порошки и взрывчатые (а также зажигательные) смеси. Некоторые из его рецептов попахивали кухней дьявола, но преследовали сугубо утилитарные дели и, судя по всему, были весьма эффективны.

11. СЭЙФУКУ (медицинская помощь в критических ситуациях). Болезни и переломы, ушибы и оружейные раны, отравления и удушения - все это могло помешать призраку выполнить порученную ему миссию. Подобные проблемы помогали успешно решать быстрые и решительные действия, основанные на синтезе китайской медицины (кампо) и техник японской реанимации (кваппо), а также отличное знание природных лекарственных средств (кусари).

12. СИНОБИ-КЭН (ниндзин меч). Не склонный к самурайской экзальтации, лазутчик учился использовать меч не только в бою, но и в самых различных эпизодах своей теневой жизни. При этом как сам меч, так и приемы обращения с ним были просты и имели особую, свойственную лишь ниндзя своеобразность.

13. БО-ДЗЮЦУ (бой палкой и посохом). Здесь отрабатывали приемы владения шестом (бо), "палкой в половину шеста" (ханбо), а также самыми различными дубинками, изготовлявшимися из твердого и прочного японского дуба (каси). Специфичную разработку ниндзя представлял синоби-дзуэ, вариант обычного дорожного посоха, таящий в себе всевозможные хитрые оружия, которые при необходимости можно было мгновенно пустить в ход.

14. ЯРИ-ДЗЮЦУ (бой копьем). Это классическое оружие воинов- монахов (сохэи) было весьма эффективным в схватке на средней дистанции, а его ниндзин вариант с крюком у острия (кама-яри) помогал стащить с коня всадника или вырвать у него оружие. Крюк также пособлял влезать на стены или деревья и позволял пронестись подобно маятнику с одного места на другое.

15. НАГИНАТА-ДЗЮЦУ (бой алебардой). Искусство владения алебардой изучали в Японии повсеместно. Используемое и как копье, и как меч, оружие представляло собой древко длиной около двух метров, на конце которого крепился короткий (около полуметра) и широкий клинок меча. Приблизиться к противнику, крутящему нагината, было практически невозможно, и она стала любимым оружием японских женщин. Образец с массивным лезвием (бисэн-то) позволял опрокидывать лошадей самураев и пробивать крепкие доспехи самоуверенных всадников.

16. ТАНТО-ДЗЮЦУ (владение ножом). Чрезмерного упора на работу ножом обычно не делали, хотя он несомненно был полезен в бою на ближней дистанции, в схватке с латником, а также в самых различных эпизодах прямого контакта. Небольшое лезвие легко скрывалось в рукаве или за спиной и, неожиданно появившись в руке, часто оказывалось для противника весьма неприятным сюрпризом.

17. КУСАРИ-КАМА (серп с цепочкой). Это традиционное японское оружие, сочетая в себе возможности лезвия, цепочки с грузиком и дубинки, отлично помогало против меча да к тому же было полезно и в преодолении самых различных преград. Специфично ниндзиным вариантом был кёкэиу-сёге, спаренный нож с прямым и изогнутым клинками, прикрепленный к длинной веревке, на другом конце которой фиксировалось металлическое кольцо.

18. КУСАРИ-ФУНДО (цепочка с грузиками). Такая цепочка (длиной от 30 до 90 сантиметров) легко пряталась в кисти и относилась к разряду "неожиданного оружия". В боевой арсенал самураев она входила под названием манрики-кусари, а ее вариант, где вместо цепочки использовалась веревка, назывался сурутин.

19. ТЭССЭН-ДЗЮЦУ (искусство железного веера). Это "обманчивое" оружие состояло из железных ребер, между которыми располагались шелковые или бумажные шторки. В сложенном состоянии веер носили в рукаве или за поясом (саси-ката), подразумевая возможность его мгновенного выхватывания, с тем чтобы при необходимости им можно было блокировать ниспадающий меч, ткнуть в одну из "точек смерти", нанести удар в манере дубинки или, неожиданно раскрыв, отвлечь внимание противника, чтобы затем прикончить его фатальной атакой.

20. СЮРИКЭН-ДЗЮЦУ (искусство бросаемых лезвий). Эти отвлекающие, а иногда и смертоносные снаряды были фирменным оружием ниндзя. Изготовлялись они в виде плоских многоугольных пластинок с отточенными гранями (хира-сюрикэн), либо металлических стрел различной длины и варьируемого сечения, заостренных с одного или обоих концов (бо-сюрикэн). Каждая модель имела свой способ бросания, причем дальность боевой дистанции обычно не превышала девяти-десяти метров.

21. ФУКИБАРИ-ДЗЮЦУ (искусство духовых трубок и игл). Применяемые здесь духовые трубки (фукия) использовались для бесшумного убивания отравленными иглами и считались весьма эффективными в пределах шести метров. Они часто маскировались под флейту или трость, а иногда были и сборными. К этой же категории оружия можно отнести и фукуми-бари, крошечные иголки, которые держали во рту и выплевывали противнику в глаза.

22. КЮДЗЮЦУ (стрельба из лука). В отличие от самураев ниндзя применял портативный "полулук" (ханкю), который легко прятался на теле. Кроме стрельбы по живой мишени, стрелы (я) также использовались для поджогов во вражеском стане, забрасывания одного из концов веревки в нужное место, передачи важных сообщений.

23. ЯДОМЭ-ДЗЮЦУ (искусство отбивания стрел). Летящую стрелу парировали рукой или подручным оружием (мечом, железным веером, палкой и т.д.). Внимание при этом уделяли только тем стрелам, которые шли прямо в цель, тогда как все другие попросту игнорировались. Специфично ниндзиным умением было тотоку хиёси, отражение мечом (или рукой) летящего сюрикэна.

24. ТЭППО (огнестрельное оружие). Хотя кремневые ружья были завезены в Японию в середине XVI века, они вплоть до революции Мэйдзи (1868 г.) не пользовались там особой популярностью. Ниндзя, однако, сразу оценили возможности огнестрельного оружия и, создав довольно оригинальные конструкции, вроде бронзового пистолета футокоро-тэппо или портативной пушки содэ-дзуиу, разработали уникальные тактики их боевого и террористического применения.

25. НИНКИ (специализированные ниндзины приспособления). Основным их качеством, кроме простоты и эффективности, была многофункциональность, ибо ниндзя не мог позволить себе роскошь иметь для каждого дела отдельный предмет. В обширный арсенал таких разработок входили: приспособления для подъемов и спусков (лестницы, шесты, веревки, блоки, колесные подъемники), отвлекающие ежи (тэиубиси, игадама, докубари), ручные и ножные когти (тэкаги, сюко, нэкодэ), конструкции для прохода по воде (мидзугомо, укидару), плавательные средства (кама-икада, кёбако-фунэ), летательные аппараты (ями-доко, хито-васи), осветительные приборы (мидзу- таймацу, танагокоро-таймацу), отмычки (осаку) и т.д.

26. ТОАМИ-ДЗЮЦУ (использование рыболовных сетей). Сети были привычным атрибутом рыболовецких деревушек и допускали весьма разнообразное применение. Ими можно было опутать и контролировать многих нападающих, устроить западню на тропе или в замке, использовать как подвесную беседку при засаде в лесу и т.д.

Интересно, что нейлоновые сети вошли в арсенал и современной полиции, где они, например, помогают выхватывать из мятежной толпы неугодных смутьянов.

27. ХОДЗЁ-ДЗЮЦУ (искусство связывания). Для каждой ситуации существовали свои методы связывания. Будучи искусен в уходе из пут (наванакэ но дзюиу), ниндзя старался вязать других так, чтобы не допустить известных ему "слабостей", позволявших жертве уйти, из казалось бы, надежного сковывания.

28. СИНОБИ-ИРИ (тайное проникновение). Незаметное проскальзывание во вражеский лагерь, замок или другое охраняемое помещение было привычной необходимостью в сложной работе любого лазутчика.

Кроме общего рисунка акции, изучали способы скрытного перемещения в среде врагов, а также всевозможные трюки, применяемые охраной, чтобы воспрепятствовать такому проникновению.

29. ИНТОН-ДЗЮЦУ (искусство ускользания и прятанья). Теневой воин просто обязан был быть невидимкой. Допустив противное, он быстро терял жизнь, а значит, подводил клан, ибо только живые люди могли обеспечить этому сообществу должное и долгое процветание. Составной частью искусства делать себя невидимым (онсиндзюиу) были техники ускользания (тонпо) и прятанья (инпо), которые создавались на основе учения о пяти элементах (гогё-сэцу) с широким применением подручных средств и возникающих обстоятельств.

Ниндзя в экипировке лазутчика

30. БО-РЯКУ (стратегия). Ступив на свою стезю, ниндзя развивали активность по нескольким стратегическим направлениям. Они заботились о личной безопасности союзного сюзерена и обеспечивали непредсказуемость его действий; узнавали

любимые тактики врага и раскрывали его намерения; определяли благоприятный момент в текущих событиях и устраивали политические заговоры; закладывали фундамент под начало войны и осуществляли диверсионно-террористические акции.

31. ТЁ-ХО (шпионаж). Без этой дисциплины, собственно говоря, не было бы и японских ниндзя. Взяв за основу знаменитый трактат Сунь-цзы, теоретики невидимок разработали новые принципы и техники шпионской работы, помня, что "знать наперед положение противника - это значит действовать как бог!". Среди изучаемых предметов были методы обезличивания и играния роли; способы внедрения в среду врагов и засекания перспективных лиц; пути создания шпионской сети и манипулирования людьми; приемы запуска дезинформации и выявления чужих шпионов.

32. КУНОИТИ-ДЗЮЦУ (использование женщин-ниндзя). Как и во многих других странах, в средневековой Японии явно недооценивали женщин, а посему не чуяли в них никакой особой угрозы. Пользуясь такими ошибочными представлениями, ниндзя просто не могли не включить своих соратниц (сима-куноити) вкупе с наемными красотками (карима-куноити) в шпионскую работу. Наряду с обычной психофизической подготовкой, женщин учили использовать силу своего пола, ибо там, где терпел неудачу матерый лазутчик, порой легко добивалась успеха смазливая мордашка молоденькой наложницы.

33. КАТАКЭСИ-НО-ДЗЮЦУ (искусство гасить облики). Это витиеватое выражение подразумевало физическое устранение опасных лиц, причем их ликвидация порой требовала весьма сложного подхода и изобретательного использования самого различного оружия, включая яд, ружье, голые руки, руки других людей, психологический трюк.

Приведенная здесь сборная программа ниндзиных тренингов далеко не полна, но можно заметить, что некоторые из упомянутых дисциплин входили в стандартную подготовку воинов-самураев, тогда как другие были специфичны только для ниндзя. Каждый клан к тому же имел свою специализацию, и если одни были сильны в политических интригах и шпионаже (школа Кукисин-рю), то другие предпочитали черновую работу диверсанта и террориста (группа Фума-рю). В соответствии с потребностью выбирались и изучаемые дисциплины, хотя общефизическую подготовку проходили буквально все.

Младенцев учили бесстрашию и плаванию, а детям постарше ставили дыхание и расшатывали суставы. Подростки упражнялись в ходьбе на руках и в прыжках с барьера на барьер; они проходили курс "загрубляющего" массажа и часами удерживали неудобную позу или висели на руках на ветках деревьев.

Лазанье по горам давало необходимую ловкость, а бег по пересеченной местности - выносливость. Суровая спартанская жизнь вживала в любую непогоду и учила рассчитывать только на самого себя. Параллельно шло постижение различных ремесел и манер поведения; искусств танца, пения и рисования, вопросов фортификации и картографии, а также таких явно необходимых дисциплин, как индивидуальный бой, метание сюрикэн, езда на коне...

В основу любого ниндзиного тренинга закладывались элементы риска. Перспектива получить травму или расстаться с жизнью вынуждала тренируемого напрягать все силы и давала веру в свои возможности. Благодаря постоянной практике такая мобилизация тела и духа становилась естественным состоянием лазутчика и значительно поднимала реальный порог его достижений.

После того, как в 15 лет ниндзя получал посвящение в члены своего клана, акцент подготовки смещался на психофизические аспекты, и начиналась сложная и полная опасности жизнь воина-демона (рис. 3).

III. ОТТАЧИВАНИЕ ЧУВСТВ

Рассказывают, что некий мастер фехтования решил проверить, на что способны его сыновья, и недолго думая подвесил над занавеской, закрывающей вход в комнату, небольшой мешочек, который срывался, как только ткань раздвигали. Приглашенный к отцу старший сын по каким-то мельчайшим признакам сразу определил, что над входом что-то находится, и, протянув руку, осторожно снял висящий предмет. Средний сын ничего не заметил, но, когда мешочек сорвался, тут же ловко поймал его. Младший сынок резко шагнул в комнату, и падающий предмет огрел его по затылку, но прежде чем "обидчик" долетел до пола, юноша, выхватив меч, рассек его на две половинки. Излишне говорить, что отец похвалил старшего сына, признал перспективность среднего и был явно недоволен младшим.

Притчи, подобные данной, весьма популярны, но все они имеют явный самурайский душок, ибо для ниндзя реакция старшего сына была совершенно естественной, поскольку мгновенный подсознательный анализ обстановки с детства лежал в основе всего психофизического комплекса воспитания молодого лазутчика.

Опасность была повсюду. Ниндзя ощущал ее каждой клеточкой своего тренированного тела, опережая действием мысль неповоротливого противника. Мгновенность ответа стала насущной необходимостью, не владея которой лазутчик мог ставить крест как на карьере профессионала, так и (что, кстати, было одно и то же) на своей жизни. Быстрота реакции обеспечивалась невмешательством отвлекающего ума, открытого, впрочем, для непредвзятого реагирования. Основным средством достижения должного восприятия была ежедневная медитация (мокусо), но этого было мало. Между восприятием и живым действием оставался разрыв, сомкнуть который позволяла лишь реальная практика. Наиболее просто это достигалось в упражнениях на мгновенное исполнение команд, подаваемых партнером. Команды эти могли быть словесными ("упасть вперед", "прыгнуть вбок", "ударить назад"...), либо кодовыми (хлопок-кувырок назад, крик-прыжок вперед, плевок-бросок сюрикэна), причем как их суть, так и код беспрестанно обновлялись.

Затем в качестве раздражителя использовали ситуацию, когда например, открыв глаза или повернувшись на 180 градусов, следовало тут же среагировать либо на камень, летящий в лицо, либо на бросающегося под ноги партнера, либо на дюжину других не очень-то приятных и не всегда ожидаемых сюрпризов.

Популярным упражнением из этой серии был бег по трассе с замаскированными ловушками вроде подсекающих веревок, сетевых капканов, волчьих ям и т.д. Наличие опасных мест следовало мгновенно осознать и, не прекращая движения,

избежать их тем- или иным способом. Второй раз ту же трассу нужно было пройти темной ночью, при этом, однако, тестировалась не столько быстрота реагирования, сколько пространственная и ситуационная память.

Упражняясь в мгновенном реагировании, следовало опустошить ум (сознание), убрать его в энергетический центр в нижнем регионе живота (хара), слегка напрячь рабочие мышцы и не фиксировать взглядом стимул.

Обычной практикой здесь служило отбивание стрел рукой (ядомэ-дзюцу), что к тому же рождало весьма полезный навык, помогающий сохранять жизнь во многих эпизодах боевой и теневой жизни ночного воина.

Огромную роль в восприятии среды играло зрения. Простейшим средством, поддерживающим его остроту, было плескание в глаза холодной водой и массажное постукивание по Закрытым векам кончиками пальцем.

Обрести ночное зрение позволяла длительная фиксация глазами звезд, хотя иногда ученика попросту помещали в затемненную пещеру, освещенность которой постепенно уменьшали. Тот же результат, впрочем, получался как побочный в ходе овладения мистической практикой миккё или техниками ментальной мощи, связанными с активацией в себе всесильной биокосмической энергии Ки.

Определяя без поворота головы и движения глаз жесты партнеров слева и справа, можно было увеличить угол зрительного охвата, а смотря сквозь листву на горизонт и не теряя при этом ее из виду - выработать пронизывающий взгляд и углубить область визуального восприятия.

При отработке зрительной памяти наставник клал на землю десяток-другой предметов и накрывал их тряпкой, а затем, на миг приподнимая ее, требовал от ученика мгновенно определить, что там находится. В другом варианте те же предметы пробрасывались в воздухе, и тому предписывалось, не поворачивая головы, уловить их детали. В третьем случае следовало быстро пересечь "колесом" или другим специфичным способом какую-либо площадку и осознать при этом все, что там происходит или находится.

Важным упражнением, выходящим на жизненную привычку, было требование: просыпаясь утром, с первого же взгляда понять, что изменилось в окружающей обстановке.

Учась узнавать чувства и эмоции другого человека, садились против партнера и пристально, но без напряжения смотрели ему в глаза, пытаясь сквозь них "войти" в его личный мир и понять его внутреннее состояние, которое тот периодически изменял. К этой же категории относилось и упражнение, где старались определить, у кого из группы партнеров находится спрятанный по уговору предмет. Искомого человека засекали по изменению режима дыхания, пульсации шейной артерии, выражению глаз и некоторым другим воспринимаемым, но не всегда осознаваемым признакам.

Важнейшую роль в оценке многих ситуаций играл слух. Простейшая гигиена заключалась в массажном промывании ушных раковин холодной водой и прессующем постукивании ладонями по ушам. Упражняя слух, настраивали ухо на звуковой фон и подмечали его малейшие изменения, вызываемые партнером, или же вычленяли из этого фона отдельные звуки и сосредотачивались на них. В другом упражнении старались запомнить "шумовой портрет" окружающих, а затем по особенностям шагов и дыхания определяли, кто из партнеров подходит сзади.

Полезной практикой было использование слуха в попытке распознать число людей, находящихся за ширмой, либо по специфике звуков установить, спит ли лежащий человек или только притворяется.

Упражнением, а потом ценной привычкой являлось слуховое зондирование, проводимое тотчас же (еще не открывая глаза) после пробуждения. Для лучшей ориентации следовало постоянно пополнять свою звуковую память и учиться точно определять места возникающего шума при самых различных положениях своего тела.

Определенную пользу приносило и развитие обоняния. Обмывание носа водой, постукивание пальцами по его крыльям при проходе по ноздрям воздуха, а также массаж двух симметричных точек фути, расположенных в центрах впадин под затылочным бугром, обостряло нюх.

Рис. 4. Упражнение на обострение осязания.

Отточить обоняние позволяло отгадывание того или иного запаха, который следовало ощущать как нечто вещественное, причем источник этого "вещества" помещали перед носом, а затем все дальше и дальше от него. Полезной практикой было выделение из общего запаха тех или иных его составляющих, для чего, например, брали несколько разнопахнущих объектов и, держа их вместе, поочередно сосредотачивались на аромате каждого из них.

Приличный ассортимент читаемых запахов облегчал ориентацию на местности, позволяя различать "на нюх" конкретных людей и животных, определять пригодность пищи и тип подсунутого яда, а иногда и эмоциональное состояние человека. Как и в предыдущих случаях, следовало обрести привычку сразу после пробуждения принюхиваться к среде, отмечая все новые (или отсутствие старых) запахи и пытаясь понять, откуда они исходят и как здесь оказались.

Не лишним для лазутчика было и чувство вкуса, позволяющее оценить качество приготовляемых препаратов и предупредить нежелательное пищевое отравление. Чувствительность языка развивали, сосредотачиваясь на отдельных его точках, и совершенствовали, закладывая в память все новые и новые вкусовые ощущения.

Вполне определенное применение находило у ниндзя и кожное чувство (осязание). Оно давало возможность различать малейшие колебания температуры, давления и некоторых других тонких раздражителей, что помогало предсказывать и использовать нюансы погоды, выявлять тупики и сквозные проходы в лабиринтах замка, а порой и ощущать присутствие людей в темноте.

Простейшим упражнением здесь было осознание рельефа лежащего на ладони предмета; впоследствии переходили к определению на ощупь типа дерева или стали. Не менее полезным считалось и восприятие легчайшего движения воздуха, создаваемого природой или партнером. В одном из упражнений этой серии ученик, закрыв глаза, стоял перед сотоварищем, выставив вперед ладони ненапряженных рук. Его партнер был в той же позиции, но с открытыми глазами и медленно приближал одну из своих ладоней к соответствующей ладони ученика (рис. 4), который, поймав ощущение (теплота, ветерок, покалывание, распирание и т.д.), убирал воспринимающую руку. По мере совершенствования расстояние между ладонями увеличивали, причем при неверном реагировании тренируемый получал сильный удар палкой по плечу.

Учились здесь использовать и другие участки тела, причем очень подходящей для этого считали, например, кожу щек.

покалывание, распирание и т.д.), убирал воспринимающую руку. По мере совершенствования расстояние между ладонями увеличивали, причем при неверном реагировании тренируемый получал сильный удар палкой по плечу. Учились здесь использовать и другие участки тела, причем очень подходящей для этого считали, например, кожу щек.

Ценнейший атрибут лазутчика - его способность ощущать присутствие и мысль другого человека. Следовало различать пассивный вариант такого присутствия, при котором объект не знает, что он не один, и активный, когда он заметил "невидимку" и внимательно, но скрытно следит за ним.

В первом случае возникающее чувство зачастую было производным от различных раздражителей, явно не воспринимаемых, но тем не менее сигнализирующих о том, что здесь кто-то есть. Таким образом индивидуальное развитие каждого из первичных чувств (слуха, обоняния и т.д.) автоматически улучшало и ощущение пассивного присутствия других людей, хотя для закрепления подобного умения могли понадобиться специальные упражнения вроде тех, где определяли, есть ли человек за ширмой или его там нет.

При отработке осознания чужого взгляда вокруг ученика - спереди, сзади и по бокам - вставали четыре человека, которые поочередно "простреливали" взглядом его затылок, виски или переносицу, стараясь вложить во взор максимум своей воли. Когда тренируемый (который стоял с закрытыми глазами) не определял, кто на него смотрит, он тут же получал сильный удар палкой по плечу. Если упражнение не давалось, то облегчить его могло наличие партнеров противоположного пола.

Кроме осознания присутствия человека, следовало ощущать и его намерения. Одно из упражнений, направленных на овладение этим умением, выглядело так. Партнер, чьи раскрытые ладони располагались у груди, вставал перед учеником, а тот был расслаблен и, охватывая расфокусированным взглядом все вокруг себя, освобождал ум от ненужных мыслей. Первый из сотоварищей как можно отчетливее представлял, как он с яростью выдвигается вперед и бьет ладонью в одностороннее плечо тренируемого, который, ощутив это намерение, тотчас же уходил от предполагаемого удара, поворачиваюсь, как дверца, на 90 градусов на противоположной ноге. Если никакого осознания не было или оно было неверным, ученик получал сильный удар по плечу, так как партнер сразу после мысленного предупреждения проводил свое устремление в жизнь.

Развитием данного упражнения служило реагирование на удар с закрытыми глазами, что было более сложно, ибо в первом варианте тренируемый часто улавливал не саму мысль, а ее внешнее проявление в облике или движениях носителя. В любом случае, однако, следовало иметь "пустой ум" и действовать по возникающему ".знанию, а не пытаясь угадать ту или иную возможность.

Чувства шлифовали по-разному. Иногда, например, каждый из дней недели целиком посвящали одному из них, заостряя внимание на малейших нюансах развиваемых ощущений, тем паче, что источников таковых в повседневной жизни было не так уж и мало. В некоторых случаях использовали и специальные тантрические упражнения, одно из которых выглядело следующим образом.

Приняв удобную медитационную позу в тихом и спокойном месте, адепт освобождал ум и представлял, что брюшной центр хара излучает ослепительнобелый свет, лучи которого, озаряя все вокруг, уходят в пространство, а через какое-то время втягиваются обратно. Теперь следовало прикрыть веки и представить в зрачках две яркие желтые точки, а затем открыть глаза и, сохраняя в них эти точки, смотреть на какой-либо объект. Обретя устойчивость представления, нужно было "втянуть" глазные точки в хара, который обретал "блеск и прозрачность". После этого приступали к ушам, в каждом из которых представляли по голубой точке, осознав кои, прислушивались к любому звуку, стремясь удержать при себе эти яркие голубинки. Получив стабильность представлений, "втягивали" голубые пятна в хара и переходили к носу, в ноздрях которого видели две красные точки. Проработав в сходной манере с этими точками, обращались к языку, на корне которого выявляли оранжевые блестки, а затем - к центрам ладоней и кончикам пальцев, где те же точки виделись зелеными.

Все эти, в конечном счете "втянутые" в хара цветовые пятна, хорошенько там перемешивались и, "взаимодействуя" между собой, исчезали, порождая исконную пустоту, а вышедший из медитации адепт должен был увидеть вокруг себя мириады танцующих разноцветных частичек, которые, то возникая, то пропадая, устремлялись к тем или иным органам развиваемых им чувств.

IV. МЕДИТАЦИЯ И ТАНТРИЧЕСКАЯ МАГИЯ ЯМАБУСИ

"Пьяный, вывалившийся на ходу из повозки, может сильно разбиться, но не до смерти. Кости у него такие же, как и у других людей, а повреждения другие, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. Думы о жизни и смерти, удивление и страх не проникли к нему в сердце, и поэтому, сталкиваясь с предметом, он не сжимался от страха. Если человек приобретает подобную целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от Природы!" Так рассуждал мудрый- китайский даос Чжуан-цзы, но также мыслили и другие маги и воины всех времен и карбдов.

Отточенное тренировкой и жизнью ловкое и сильное тело ниндзя позволяло многое, но не все.

Возникаемые чувства и эмоции связывали возможности и мешали четко оценить и разрешить возникшую ситуацию. Дух обычного человека подобен бурной и мутной воде, которая попросту не способна отразить истину. Чтобы осознание обстановки было верным, надо очистить восприятие от мути и разогнать все волнующие и отвлекающие ум мысли. Очищение ума собирает дух (ри) в одну точку, что пробуждает силу ёрики, дающую молниеносность и адекватность действий в самых неожиданных ситуациях.

Рис. 5. Поза для медитации сэйдза. Рис. 6. Поза для медитации фудодза

Обрести это желанное состояние помогала медитация (мокусо), которая к тому же давала "чистоту сердца", крайне необходимую, чтобы сохранить свое "я" в ситуациях постоянного профессионального чередования вымысла и реальности. Медитацией обычно занимались минут по тридцать утром и вечером, хотя иногда такие сеансы растягивались (с короткими перерывами) и до нескольких суток. Методик медитации было много, но весьма практичной считалась мокусо в стиле дзэн.

Медитировать начинали в тихом и спокойном месте (освежив предварительно водой лицо и руки), хотя естественные природные шумы - водопада, ручейка, цикад - только способствовали упражнению. Поза была устойчивой и в меру удобной, чему вполне удов летворяли пози- ции сэйдза и фудодза, разнящиеся между собой только положением ног.

В первой из них (рис. 5) сидеть следовало на пятках, подогнув под себя ноги, голени и взъемы стоп которых лежали на земле, причем большой палец левой стопы располагался на большом пальце правой, а колени разводились на ширину двух кулаков. Во втором случае (рис. 6) обе ноги сгибались перед телом, так что стопа правой лежала на бедре левой, тогда как стопа левой - под бедром правой.

Важнейшее значение в той и другой позе имела прямизна позвоночника, снимающая всевозможные помехи в утонченной работе тела и улучшающая тем самым собранность и покой психики. Плечи при этом были расслаблены, голова как бы подвешена, а кончик языка касался верхнего нёба. Взгляд полуприкрытых глаз опускали в точку, расположенную перед телом, или растворяли на монотонной поверхности отвесной стены, находящейся где-то в трех четвертях метра от практикующегося.

Кисти рук помещали у паха, причем на правую ладонь клали тыл левой, а кончики их больших пальцев смыкали так, что при этом образовывалась замкнутая и несколько упрощенная окружность. Все эти мелкие нюансы рассматривались как весьма важные, и пренебрежение ими вело к пустой трате невосполнимого,- а потому вдвойне енного тренировочного времени.

Приняв позицию и отстранившись от мирской суеты, надо было положить ладони на затылок и, глубоко вдохнув через нос, на-клониться на задержке дыхания вперед, а затем выпрямиться и не торопясь выдохнуть весь втянутый воздух через полуоткрытый рот. Теперь следовало качнуть корпус слева направо и продолжать покачивания с затуханием их по амплитуде до полной остановки тела в вертикальном положении.

Сбросив мешающее напряжение и вернув кисти в исходное состояние, начинали внутреннее сосредоточение. Ум чаще всего успокаивали дисциплиной брюшного дыхания, ну а одним из обычных методов здесь был последовательный счет вдохов и выдохов, причем дойдя до десяти, начинали считать по новой. Если появлялась сонливость, считали только выдохи, а когда мешали отвлекающие мысли - только вдохи.

Овладев первым упражнением, приступали к "следованию за дыханием", стремясь слить с ним свой ум и чувствовать, как вдыхаемый воздух распространяется по всему телу, а затем неторопливо покидает его. Дышать следовало через нос и постепенно все реже и реже.

Обретя успех в работе с дыханием, переходили к размещению ума в психофизическом центре хара". При этом тело и сознание как бы растворялись в пустоте, а недвижный ум (фудо-син) становился подобным луне, отраженной в потоке. Вода в потоке находится в движении, но луна сохраняет свое спокойствие; ум воспринимает изменения ситуации, но сохраняет свою неизменность.

Завершив медитацию, следовало покачаться из стороны в сторону, постепенно увеличивая амплитуду колебаний, а затем встать и, сохраняя прежнюю сосредоточенность, минут пять походить по кругу, перемещаясь небольшими скользящими шагами с опусканием ноги на пятку. Ходьба эта представлялась медитацией в движении и часто использовалась как промежуточная взбадривающая фаза при долгих сеансах сидячей медитации.

Очень практичной считалась медитация, иммитирующая состояние сознания человека перед лицом смерти. При этом дух ниндзя "обретал крепость скалы и был напряжен как тетива взведенного лука". Приняв стандартное медитационное положение и расслабив тело, следовало представить себя в поединке с опасным вооруженным противником. Сознание наполнялось решимостью и готовностью мгновенно (но не конкретно) реагировать на любую реальную угрозу. Окружающая обстановка осознавалась, но держалась на периферии сознания, ибо потеря бдительности даже на мгновение могла оказаться фатальной.

Долго выдержать такое состояние весьма трудно; ментальное напряжение неизменно ослабевает, а тело устает, но с практикой перенапряжение спадает, и упражнение выполняется без излишних усилий.

Длительность сеанса обычно не превышала 30-40 минут, причем критерием эффективности являлось повышенное потение тела, вызванное усиленной концентрацией духа.

Для адекватного восприятия действительности могла служить многоступенчатая медитация, на каждом уровне которой следовало выйти на одно из нижеследующий, в порядке самосовершенствования, осознаний:

- осознание бренности своего тела;

- осознание иллюзорности восприятия;

- осознание несовершенства человеческого ума;

- осознание собственной малости в пространстве и времени;

- осознание главенства материального над духовным;

- осознание тождества себя и других;

- осознание взаимосвязи причины и следствия;

- осознание множественности проявлений реальности;

- осознание "Великой Пустоты";

- осознание настоящего из будущего;

- осознание будущего из настоящего.

Свою трактовку окружающего мира и себя в нем предложили ниндзя и шаманствующие горные отшельники ямабуси. Увлечение магией тантрического буддизма, колдовскими трюками народных верований и практикой религиозного даосизма они смешали все это в своей разнородной системе и создали собственный путь обретения духовного могущества - сюгэндо. Приложив сии разработки к теневой практике, ниндзя нашли их весьма перспективными и ввели мистику миккё в тайный арсенал своего усложненного и специфично-прикладного тренинга.

Для понимания мира вокруг себя служила пара сложных высокосимволичных диаграмм (санскр. мандола), изображающих два аспекта Вселенной: "сферу неразрушимого" (конгокай) и "сферу чрева-хранилища" (тайдзокай). В первой из них содержалась сущность духовного мира; во второй - его материальный аспект.

Каждая мандала представляла собой набор буддийских символов, расположенных в соответствии с предполагаемым энергетическим каркасом Вселенной, и адепт должен был шаг за шагом войти в эту структуру, раствориться в ней (или растворить ее в себе) и каждой частицей своего тела ощутить великое единство макро- и микрокосмоса.

Чтобы использовать мандала, следовало хорошо знать многоуровневую - рисуночную, геометрическую, композиционную, цветовую символику изображений и "оживить" схему, которая таким образом становилась реальной, а не схоластической сутью Вселенной. Медитируя над конгокай, можно было ПОСТИЧЬ базис вселенских законов и осознать различные энергетические потенции любых действий; ну а работа с тайдзокай давала понимание материального мира, как динамического проявления будды Великого Солнца Дайнити.

Тантристы полагали, что тело, речь и мысль данного Будды образуют жизнь Вселенной и называли их тремя таинствами (санмицу), кои можно обнаружить во всех и вся, в том числе, разумеется, и в человеке. Таким образом, в каждом из нас содержатся все энергетические грани Вселенной, и, выявив в себе три вышеназванных таинства, посвященный мог обрести земную могучесть небесных богов либо коварную мощь вездесущих демонов.

Итак, сверхчеловеком делали слово (речь Будды), ритуальное физическое действие (тело Будды) и мысль (вера в Будду). (Практика всех этих аспектов была детально разработана тантристами Индии много веков назад и в 806 году ввезена в Японию буддийским монахом Кукаем, основателем эзотерической секты Сингон ("истинное слово). Поскольку речь Будды присутствует во всех феноменах бытия, частицы ее несут колоссальный заряд космической энергии. Не следует, однако,

путать речь Будды с речью человека; силой обладают не обычные слова, а особые резонирующие звуки (санскр. мантра), являющиеся фрагментами истинного языка Вселенной. Так, мантра "ом-шри-ха-ну-ма-тэй-на-мах" позволяет контролировать чувства, побеждать страх и справляться с критической ситуацией, а заклинание "ха-ро-ха-ра" очищает ум и дает интуицию.

Скандировать мантру можно было звучно, шепотом или мысленно, причем короткая форма выполнялась на вдохе или выдохе, а длинная - на всем протяжении дыхательного цикла. Скорость произнесения подбирали индивидуально, исходя из субъективных ощущений естественности и концентрации. Каждую мантру произносили не менее трех раз и полагали, что даже механическое повторение звука дает пользу.

Сложные ритуальные действия вполне заменялись хитроумными переплетениями пальцев рук (санскр.

мудра), которые представляли собой своеобразную печать, скрепляющую единство санмицу. При этом левая кисть олицетворяла материальный мир (тайдзокай), а правая - духовный (конгокай). Каждый палец имел свой набор значений, и в узловых узорах таким образом происходило взаимопересечение различных символик, дающее в конечном счете желаемый результат. С точки зрения восточной физиологии такое соединение пальцев шунтирует старые и создает новые пути для витальной энергии ки текущей по меридианам человеческого тела, что, в свою очередь, оказывает явное воздействие на психическое и физическое состояние индивида.

Весьма просто, например, можно снять мешающее волнение и обрести нужную сосредоточенность, если соединить концы выпрямленных указательных пальцев, сомкнуть кончики отведенных и несколько согнутых (ногтевые фаланги на одной прямой) больших пальцев, а остальные пальцы переплести, разведя с, опорой на них основания ладоней (рис. 7). Для усиления эффекта кисти при этом следует держать на уровне живота, а взгляд опустить и фиксировать им место соединения выставленных вперед указательных пальцев.

Третий аспект - мысль - был не менее (если не более) важен, чем два предыдущих. Концентрация на том или ином действии либо атрибуте божественной энергии с твердой верой в их реализацию превращала желаемое в реальное. Идея эта далеко не нова и вкупе с другими давала человеку редкий шанс вырваться за пределы привычных для него ограничений ума и тела.

Работая с "тремя таинствами", определяли свою цель и представляли ее в четком образном оформлении (мысль), затем переводили возникший образ в точные слова, обеспечивая его дополнительной информативностью (слово) и, наконец, активировали эти представления должной энергией, необходимой для реализации любой задачи (дело). Энергия генерировалась на основе тех же "трех таинств", заложенных здесь в систему кудзи ("девять знаков), которая применялась в двух вариантах: статическом сплетении пальцев в определенный узор (кудзи-ин) и динамическом рублении в воздухе "энергетических решеток" (кудзи-кири).

Поскольку "тайные знания" учили, что физический мир является производным от пяти элементарных проявлений материи, то выявление в себе мощи этих первородных стихий стало одной из самых желанных задач воина-мага. Элементами-стихиями здесь были: пространство (ку), ветер (фу), огонь (ка), вода (суй), земля (дзи).

Чтобы овладеть энергией Земли, дающей большую устойчивость, силу и упорство, использовали мудру дзи но рин ("кольцо земной мощи"). Выполняя ее, смыкали кончики мизинца и большого пальца одной кисти, и образованное при этом кольцо сцепляли с аналогичным кольцом, созданным соответствующими пальцами другой руки, тогда как кончики остальных пальцев попарно (указательный с указательным и т.д.) совмещали (рис. 8а). Одновременно следовало ментально или вслух скандировать мантру "ла" и образно представлять себя могучим источником физической и духовной мощи, причем сила должна была исходить из красного центра, расположенного в основании позвоночника.

Рис. 7. Одна из успокаивающих мудр.

Для обретения гибкости, эмоциональности и обманчивой податливости применяли мудру суй но рин ("кольцо водяной мощи"). Кисти здесь складывали как в предыдущем случае, но кольца образовывались большими и безымянными пальцами (рис. 86), "семенной" мантрой был звук "во", а предметом концентрации - образное представление о текучей податливости с затаенной мощью, истекающей из оранжевого центра в нижней части живота.

Стать активным, энергичным и неудержимым позволяла мудра ка но рин ("кольцо огневой мощи"), которая выполнялась в уже знакомой манере, но кольца с большими пальцами здесь образовывали средние пальцы (рис. 8в), ортодоксальной мантрой был звук "ра", а в образном представлении концентрировались на неукротимом буйстве динамичной энергии, рвущейся из желтого центра, расположенного между пупком и грудиной.

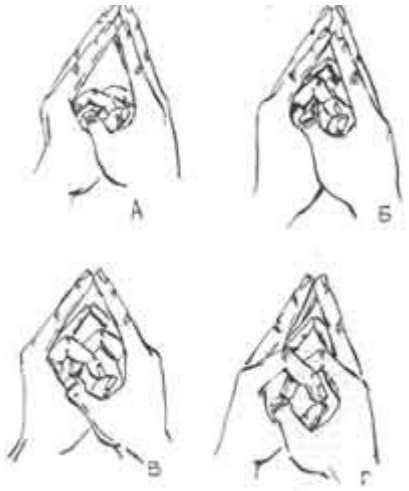
Обостренное восприятие и деловой расчет обеспечивались мудрой фу но рин ("кольцо ветряной мощи"), рисунок которой был схож с остальными, но кольца образовывали указательные и большие пальцы (рис. 8г), мантра звучала как "ха", а

представлять следовало либо природную образность ветра, либо абстрактную восприимчивость и доброжелательную мудрость, источник которых находился в зеленом энергетическом центре в середине грудной клетки.

Вышеупомянутые техники применялись в моменты опасности и отчаянья в самых различных ситуациях. Избранные в соответствии с необходимостью, они давали уверенность и внутреннюю силу, но для этого нужна была неистребимая вера. Устремление как бы подменяло требуемое действие: то, во что мы искренне верим, уже существует, и физическая акция реализации становится таким образом пустой, хотя и необходимой формальностью.

Интересный комплекс кудзи представлял метод девятизнаковой защиты кудзи госин хо, который состоял из девяти мантр-мудр, символизирующих девять уровней энергии, кои обостряли восприятие и давали успех в любом начинании. Магическая формула (дзюмон) при этом звучала так: "рин-хэй-то-ся-кай-рэцу-дзай-дзен".

Каждый шаг в этой формуле имел свою мудру (кэиу-ин) и свой смысл. Так, мантре "рин" соответствовала мудра докко-ин (рис. 9- 1), символизирующая мощь мудрости и чистого знания, которые подобно удару молнии сокрушают невежество и неосторожность, причем именно в этой фазе в действие вводилась цель-устремление (нэнрики). Мантра "хэй" с мудрой дайконго-ин (рис. 9-2) воплощала силу знания, не ведающего земных преград, которое направляло устремление в должное ему русло; мантра "то" с мудрой сотодзиси-ин (рис. 9-3) связывала ниндзю с определенными энергетическими узорами Вселенной, а мантра "ся", с мудрой утидзиси-ин (рис. 9-4) выявляла в его теле внутренние ресурсы. Мантра "кай" с мудрой габакукэн-ин (рис. 9-5) ломала оковы сковывающих страстей и обостряла осознание опасности, а мантра "дзин" с мудрой найбакукэн-ин (рис. 9-6) сметала ограничения ума и призывала интуицию. Все это вело к единению человеческой (материальной) и духовной реальностей, представленному мантрой "рэцу" с мудрой тикэн-ин (рис. 9-7), а затем закреплялось финальным символом единства со Вселенной, выраженным в мантре "дзай" с мудрой нитирин-ин (рис. 9-8) и подстраховывалось невидимостью для чужих умов, которую давала мантра "дзен" с мудрой онгё-ин (рис. 9-9).



Мудры стихий: а) дзи но рин (кольцо земной мощи), б) суй но рин (кольцо возяной мощи), в) ка но рин (кольцо огневой мощи), г) фу но рин (кольцо ветряной мощи).

Представленные здесь мантры-мудры могли применяться и самостоятельно. Так, "рин" с докко-ин использовались, когда ниндзе противостояли неодолимые силы и ему нужна была новая энергия и неистребимая самоуверенность; "хэй" с дайконго-ин могли направить энергию в нужную для данного момента область сознания, а "то" с отодзиси-ин давали необходимую в скользкой ситуации проницательность. "Ся" с утидзиси-ин обеспечивали энергией для лечения се-5я и других, тогда как "кшг" с габакукэн-ин расширяли сознание и обостряли чувствительность к наличию и приближению опасности.

Осознавать думы других и направлять им свои мысли позволяла мантра "дзин" с мудрой найбакукэн-ин, а "рэцу", с тикэн-ин освобождала от ограничений времени и пространства и позволяла черпать информацию как с отдаленных мест, так и из прошлых времен. "Дзай" с нитирин-ин давали возможность изменять и контролировать материю посредством своей воли, ну а "дзен" с онгё-ин даровали защиту космических сил и невидимость среди бедствий и злых умов.

Работа с системой кудзи но хо довольно сложна и требует абсолютных знаний и веры; в противном случае взамен притока энергий человек ощущает их дисбаланс, а вместо победы - познает почти неминуемое поражение.

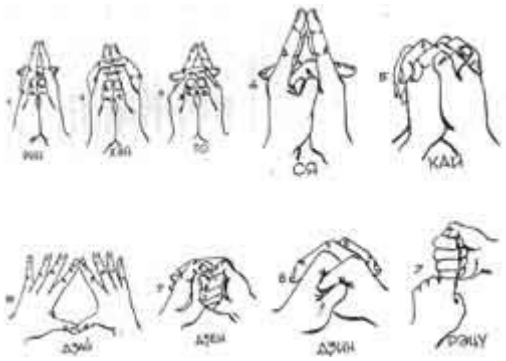
V. БОЙ БЕЗ ОРУЖИЯ

В одной старой японской притче говорится о том, как однажды лиса и кошка отправились на прогулку, причем лиса хваталась, что ей знакома сотня способов избежать опасности, а кошка скромно заметила, что она знает лишь один простой трюк, но зато очень хорошо. Их мирную беседу неожиданно прервала набежавшая свора собак, и кошка мгновенно вскарабкалась на дерево, тогда как лиса стала быстро соображать, какой из своих способов применять, но так и не решила, поскольку собаки не стали ждать и разорвали ее. Приведенная история ярко иллюстрирует преимущество одного отработанного приема над запутывающим количеством многих, но что стала бы делать кошка, если бы поблизости не оказалось дерева?

Вести прямой бой совсем не входило в намерения хитроумного лазутчика. Это подразумевало, что он обнаружил себя, а значит, в чем-то ошибся и действовал недостаточно умело. Но как бы то ни было, избежать столкновения удавалось далеко не всегда, и успех акции (а порой и саму жизнь) приходилось спасать в открытом поединке с тем или иным не всегда желанным противником.

Общефизическая подготовка молодого ниндзя давала ему силу и выносливость, но не менее важны были и специальные умения, просто необходимые в ходе жестокого контактного боя без применения оружия (тайдзюцу). Сюда входили и безболезненные падения (укэми), и уклоны тела (каваси), и кувырки с перекатами в разных направлениях (кайтэн), и перекаты "колесом" (дайсярин), и прыжки (тоби).

Техника всех этих движений была подобна используемым в современных боевых системах - дзюдо, каратэ, айкидо - и отличалась разве что бесшумностью, тактикой сюрпризного применения и большей образностью. Упражняясь в падении, например, воображали себя легким, как перышко, и точно перед самым ударом о землю напрягали брюшной центр хара, и работая кувырки и перекаты, представляли тело большим колесом, внешняя поверхность которого напряжена, а внутренняя - расслаблена.



Мудры девятизнаковой защиты кудзи госин хо: 1) докко-ин, 2) дайконго-ин, 3) сотодзиси-ин, 4) утидзиси-ин, 5) гэбакуэн-ин, 6) найбакуэн-ин, 7) тикэн-ин, 8) нитирин-ин, огнё-ин.

Бой ниндзя был не набором жесткоструктурированных техник, а постоянной импровизацией, возникающей из определенного состояния сознания. В основе сего лежала прелестная идея, пропагандируемая в наше время небезызвестным подвижником и актером Брюсом Ли, о том, что любая навязанная телу форма лишает движения спонтанности, явно необходимой в самых неожиданных ситуациях реальной, а не игровой схватки.

Специфика импровизаций могла строиться на базе уже упоминавшихся стихий (земли, воды, огня, ветра, пустоты), в этом отношении напоминала известную китайскую систему "направленной воли" (син-и) с ее боем пяти первоэлементов, разве что была более "ошаманена" и благодаря этому задействовала в поединке могучие силы Природы.

Каждой стихии соответствовали свои боевые позиции (камаэ), которые давали должный психический настрой и облегчали действия в избранном для боя состояния. В одном из известных вариантов, к примеру, Землю олицетворяла сидзэн но камаэ (рис. 10: ноги на ширине плеч, вес распределен на обе стопы поровну, грудь расправлена, а руки свободно висят по бокам тела); Воду - итимондзи но камаэ (рис. 11: ноги разведены в продольном направлении, носок передней стопы смотрит вперед, носок задней - вбок и назад; 70% веса тела на задней ноге, 30% - на передней. Передняя рука с открытой кистью вытянута вперед, а задняя согнута в локте и располагается перед грудью) или доко но касаэ (рис. 126 позиция аналогична предыдущей, только задняя открытая кисть поднята в контратакующей готовности к одноименному боку головы); Огонь - дзюмондзи но камаэ (рис. 13: ноги разведены на шаг вперед, носок передней стопы направлен чуток вовнутрь, а задней - вперед и вбок, вес смещен вперед; сжатые в кулаки кисти скрещены в запястьях и располагаются перед грудью) или косэи но камаэ (рис. 14: положение ног как в предыдущем случае; передняя рука согнута в локте, и ее кисть - ладонью книзу - поднята на уровень лба, тогда как задняя кисть сжата в кулак и располагается у солнечного сплетения); Ветер - хоко но камаэ (рис. 15: ноги широко расставлены, колени несколько согнуты, вес делится на обе стопы поровну, руки согнуты в локтях и открытые кисти подняты вперед и слегка вовнутрь на уровне головы). В позиции Земли действие "оживляли" энергетическим центром у основания позвоночника; в позиции Воды исходили из точки в нижнем регионе живота; в позиции Огня задействовали очаг между пупком и грудиной, а в позиции Ветра активизировали пункт в середине (на уровне сосков) грудной клетки. Подключение указанных центров создавало при их должном развитии особые психические состояния, превращающие лазутчика в ту или иную природную стихию.

Схватка в стиле каждой из вышеназванных стихий имела свой тактический рисунок. Так, в бое Земли (дзи но ката) на противника воздействовали непоколебимой уверенностью и холодным спокойствием, а в случае неожиданной атаки нейтрализовали ее в последний момент и одновременно проводили мощную контратаку (рис. 16). При бое Воды (суй но ката) уходили назад или вбок, а затем подобно накатывающемуся прибою проводили сокрушительную, часто угловую контратаку (рис. 17).

Используя бой Огня (ка но ката), атаковали любой ценой, ошеломляя противника напором и каскадом прямолинейных техник, (рис. 18), а применяя бой Ветра (фу но ката), заманивали врага своей вероятной слабостью и, ускользая с вращением тела, исчезали из его поля зрения, завершая защиту круговой контратакой, содержащей удары, броски или воздействия на суставы (рис. 19).

Тактика Земли использовалась в случаях неожиданной атаки и необычных условий, тактика Воды подходила при наличии агрессивного противника, тактикой Огня одолевали неуверенного в себе врага, а тактику Ветра применяли против сильных и

технических бойцов, какой бы манеры боя они ни придерживались. Уровень мастерства и воинскую школу противника можно было определить по тому, как он держит оружие, по манере его передвижений и реакции на зондирующие действия.

Специфично ниндзиной разработкой с привлечением гипноза (саймин-дзюцу) был перевод ярости агрессора в благодушие. В результате такого трюка атакующий самурай вкладывал свой выхваченный меч в ножны и, весело смеясь, покидал место намечаемого, но так и не состоявшегося поединка.

Рис 10. Боевая позиция Земли (сидзэн но камаэ).
Рис. 11. 1-я боевая позиция Воды (итимондзи но камаэ).

Весьма ходовым приемом в любой стычке являлось мгновенное отвлечение вражеского внимания, применяемое перед финальной атакой или при ускользании. Одна из уловок такого рода представляла собой фиксацию глаз противника, что приносило определенную пользу, даже если ниндзя не владел ударом глазами. Во-первых, у нападающего перед атакой обычно изменялись зрачки, а во-вторых, когда он отводил свой взгляд или устало мигал,- это был желанный момент его слабости (суки), которым грех было не воспользоваться.

Рис 12. 1-я боевая позиция Воды (доко но камаэ).
Рис 13. 1-я боевая позиция Огня (дзюмондзи но камаэ).

Другим средством того же предназначения служил неожиданный вопль. Даже не являясь атакующим выбросом концентрированной энергии (киай), он поражал центральную нервную систему врага и моментально снижал координацию его движений, причем особенно это действовало на нервных и эмоциональных противников. Очень часто, чтобы притупить внимание неприятеля, ему в лицо швыряли ослепляющие порошки, землю или какие-либо другие случайно оказавшиеся под рукой вещества и предметы (рис. 20). Ослепление и отшатывание врага мгновенно ломало его устремление и давало тот самый шанс, который мог оказаться последним.

Рис. 14. 2-я боевая позиция Огня (косэи но камаз).
Рис. 15. Боевая позиция Ветра (хоко но камаз).

Арсенал боевых приемов ночных призраков был всеобъемлющ. Во главу угла "ставилась действенность; моральных ограничений, как таковых, попросту не существовало. При необходимости можно было укусить врага за нос, разорвать пальцами рот, спрессовать в кисти мошонку. Большинство индивидуальных трюков были секретными, что и обеспечивало их неожиданность и эффективность.

Рис. 16. Фрагмент боя Земли (дзи но ката).

Многие из прикладных техник ниндзя затерялись, иные утратили смысл, а третьи обрели возрождение в других боевых системах, пути которых оказались несказанно счастливее, чем у придушенного временем и судьбой ниндзюцу. Так, классическое напрыгивание на противника в стиле демона с обхватом и диафрагменным удушением ногами сзади (рис. 21) нашло свое применение в современной технике снятия часовых, а такое же напрыгивание спереди можно увидеть (разве что без последующего удара ногой) и в японском дзюдо, и в отечественном самбо. Работая в невидимости, ниндзя предпочитал неожиданное нападение сзади (рис. 22), так что жертва даже не осознавала того, что она атакована. Бесшумность акции при этом часто обеспечивалась предварительным ударом по горлу, продолженным затем не знающим никакой жалости удушением.

А

Рис. 17а.

Большие возможности для призрака открывал бой в условиях ограниченной видимости (ночью, в затемненном помещении, в дыму, в тумане и т.д.), ибо предполагалось, что свою основную работу ночной демон как раз и должен осуществлять именно в такой обстановке. Подобный бой требовал от лазутчика отличной координации движений, повышенной (но не более, чем необходимо) мобильности и полной бесшумности, с использованием шумов и звуков только для обмана противника.

Б

Рис. 17б.

Отточенные чувства ниндзя позволяли ему видеть или ощущать движения окружающих, тогда как те были в постоянном неведенье относительно местонахождения свалившейся им как снег на голову черной бестии.

Рис. 18а. Фрагмент боя огня (ка но ката).

Тактики ночного боя включали в себя максимальное задействование окружающей обстановки (используя, к примеру, наличный объект как барьер между собой и противником или подсовывая его под удар вместо себя), запутывание недруга множественными знаками своего повсеместного присутствия, звуковое заманивание врага в природную или искусственную ловушку, использование атак изменяемого типа и уровня, завлекающая демаскировка себя с целью сталкивания между собой нескольких противников и т.д.

Рис. 18б.

Кроме бросков (нагэ), удушений (симэ), суставных контролей (гя-ку) и ломания позвонков в духе некогда легендарной джиу-джитсу (дзю-дзюцу), широко применялись удары (дакэн тайдзюцу), причем атаковать могли кость (коппо-дзюцу) либо мягкие районы и внутренние органы (коси-дзюцу). В последнем случае предпочитали воздействовать на точки смерти (сикэцу), а иногда использовали и малоизвестное искусство "смертельного касания" или "отсроченной смерти" (сан-нэн-гороси).

Если наукой смертельного касания владели немногие, то сокрушающие удары по уязвимым пунктам тела практиковали, наверное, все. Таких точек насчитывалось несколько десятков (рис. 23), и знать их следовало обязательно, тем паче, что они также могли помочь в лечении и оживлении людей.

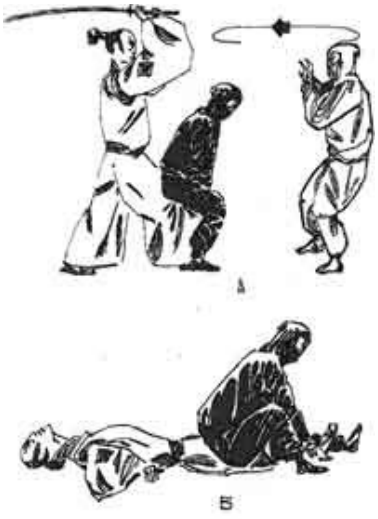


Рис 19. Фрагмент боя Ветра (фу но ката).

Наиболее популярными были места, воздействия на кои не вызывали видимых повреждений, но были роковыми. Сюда относилась, например, расположенная на тыле шеи вблизи затылка точка я-мэн, удар по которой ломал шейные позвонки, повреждал спинной мозг, а иногда и проходящую рядом артерию.

Фатальное кровоизлияние в мозг вызывало удар по точке ван-ку, расположенной позади уха, а также знаменитый удар в висок (ка-суми), при котором внешняя поверхность черепа лишь прогибалась, тогда как внутренняя костяная пластинка ломалась и своими острыми краями разрывала проходящую там среднюю артерию мозга.

Удар в гортань по точке рэн-сэн влек за собой рефлекторную остановку сердца, а при переломе щитовидного хряща - повреждение ка-ротидной артерии с очень опасным кровотечением. Весьма неприятным для врага мог оказаться тычок в межключичную впадину (хитю), травмирующий дыхательное горло и сонную артерию, что в свою очередь приводило к потере сознания и смерти от удушья.

Рис. 21. Напрыгивание на противника в стиле демона сзади с последующим удушением ногами.

Рефлекторную остановку сердца и опасное повреждение внутренних органов вызывал направленный кверху удар в подложечную ямку (точка сян-тюн). Поскольку в этом районе грудная и брюшная полости разделены диафрагмой, а мышцы и брыжейка весьма слабы, опытный ниндзя мог сильным тычком вытянутых пальцев проникнуть здесь в тело противника и, вырвав печень, показать ее врагу прежде, чем тот испускал дух.

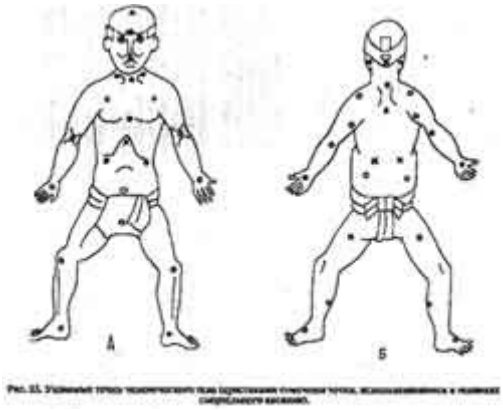
Весьма подходящим для атаки считался тыл поясницы слева и справа от одиннадцатого грудного позвонка (усиро дэнко). Должное воздействие приводило в тяжелой травме почек с разрушением соответствующих нервов и кровеносных сосудов, в результате чего возникали нарушения дыхания, обездвиживание, потеря сознания и возможная смерть.

Эффект воздействия определялся не только местом атаки, но и временем нападения, состоянием противника, а также его возможностью или умением держать удар. Последнее иногда достигалось созданием крепкого мышечного корсета, волевым управлением ки и принятием удара на выдохе.

Удары по точкам метили не на поверхность кожи, а вглубь тела. Облегчить проникновение позволяло использование специального телесного оружия, концентрирующего силу на небольшой зоне, контактирующей с целью. Некоторые образцы такого оружия назывались "кулаками демона" (оникэн) и тщательно закалялись.

В качестве ударной площадки в одном случае применяли сгиб второго сустава указательного (иногда среднего) пальца, выдвинутого из обычного кулака (рис. 24а), в другом варианте использовали кончик выпрямленного большого пальца, лежащего сбоку кулака (рис. 246), а в третьем - уповал на сгиб второго сустава того же большого пальца, подушечку которого на сей раз упирали в бок сжатого кулака (рис. 24в).

Любое телесное оружие (сидзэн-кэн), образцов которого было не так уж мало, тщательно закалялось и осознавалось. Простейшим методом загрубления служили удары по мешкам с различными наполнителями и деревянным или каменным мишеням. Повредив при этом кожу, ничуть не огорчались, ибо новые клетки, растущие под влиянием ударного воздействия, обладали совсем иной структурой, чем у обычных мозолей, возникающих, например, от долгого стояния на кулаках.



Проведение приемов требовало полного вовлечения в дело тела и духа. Обучение строилось на основе эзотерической буддийской концепции сю-ха-ри, согласно которой вначале следовало овладеть стандартом (сю), затем сломать этот стандарт (ха) и создать новые действенные формы (ри). Исходя из этого, комплексов формальных упражнений (ката) в ниндзюцу не было, и короткие рациональные связки могли вязаться в самых неожиданных сочетаниях.

Свои особенности имел и бой женщин. Ниндзя женского рода (ку-ноити) могла оглушить ударом ладонями по ушам, атаковать ногтями глаза, ткнуть коленом в пах. Специфичным ее оружием была сексуальность. Грациозными и ритмическими движениями рук, бедер и ног в сочетании с манящим выражением лица она пыталась разжечь в мужчине физическое желание и, когда тот неосторожно приближался, взрывалась той или иной уничтожающей его техникой. Чтобы мгновенно ошеломить противника женщина-призрак могла смахнуть ему в глаза пыльцу с цветов букета, неожиданно обнажить грудь (рис. 25) или ни с того ни с сего издать внезапный и пронзительный вопль.

VI. ИСКУССТВО МЕНТАЛЬНОЙ МОЩИ

Пути совершенствования не знали никаких границ. Учителя Востока издавна говорили о некой силе, залегающей в каждом из нас, которая при должном воспитании делает из адепта супермена. В игру вводилась всемогущая биокосмическая энергия ки, скапливаемая в нижнем регионе живота, скромно именуемом хара ("живот" или "центр").

В этом расположенном ниже пупка районе человеческого тела пролегают мощные мышцы брюшного пресса, размещается центр тяжести и жизненно-важные органы, а также локализуется ряд биологически-активных и духовно-развиваемых точек, главенствующей из которых почитали сайка-но-иттэн, ощущаемую на ширине алдони ниже пупка. Именно с этих мест шло развитие человеческого зародыша, и наставники резонно полагали, что здесь заложен мощный заряд духовного и физического созидания. Было найдено, что, если вскармливать сию потенцию, она сможет покинуть свою обитель и, будучи в распоряжении человека, удесятерит его силы и обновит возможности.

Экспериментируя с собственным организмом, практики буддийской, индуистской., тибетской и даосистской йог разработали много способов культивации данной энергии, а монахи Китая, Кореи и Вьетнама вложили оные методики в руки элитарных воинов своих стран, резко повысив этим их боевой и духовный потенциал.

Рис. 24. Варианты кулака демона (оникэн).

Не остались в стороне и вездесущие ямабуси. Переняв и пополнив познания своих соседей, они применили его против докучающих и нахальных самураев, а затем передали часть своих разработок ниндзя, которые тут же нашли новые

приложения обретенного ими могущества. Было бы неверным утверждать, что все ниндзя владели искусством ментальной мощи, ибо то, чем располагал один клан, зачастую оставалось тайной для других, которые, в свою очередь, имели собственные секретные знания и умения.

Работа по развитию внутренней силы шла в несколько этапов. Сначала нужно было достичь абсолютного единства тела и духа (риай), которое обреталось в ходе уже знакомой нам медитации (мокусо), а затем (и в общем-то параллельно) выполнять специальные упражнения, нацеленные на разжигание ки в хара. Тело при этом могло оставаться неподвижным, а основной удар делался на всевозможные представления ума, будь то образное сосредоточение на одной точке или различные движения как вне, так и внутри организма.

В первом случае надо было встать в широкую приседающую стойку и вытянуть перед собой руки, каждая из которых держала за горлышко горшочек с песком. Следовало прикрыть глаза, сконцентрироваться на сайка-но-иттэн и не допускать опускания рук. Время упражнения постепенно удлиняли от нескольких минут до часа, причем одновременно подсыпали в сосуды песок, увеличивая понемногу его вес до нескольких килограммов.

Рис. 25.

При динамической установке принимали широкую стойку, совмещали перед грудью ладони, закрывали глаза и сосредотачивались на дыхании. Обретя покой, зримо представляли, как на вдохе в ноздри втягивается теплое, ослепляющее серебристой белизной облачко, которое, проходя по позвоночнику, нагревает его, и затем, через копчик и низ брюшной полости, добирается до сайка-но-иттэн, где на задержке дыхания закручивается в вихревом (по часовой стрелке) движения, накаляя и ярко высвечивая этот важный энергетический центр. Оставив в хара свое тепло и сверкающую серебристость, грязно-серая дымка вслед за тем покидала сей регион и вместе с дыханием вытекала через рот (рис. 26). Вдох через нос осуществлялся за 7 секунд, задержка дыхания, во время которой языком касались верхнего неба, длилась 3 секунды, а выход, идущий через рот, - 10 секунд. Упражняться следовало по нескольку раз в день от 15 до 30- 60 минут за сеанс.

О том, что работа идет не впустую и ки медленно, но верно выпестовывается, говорили повышенное выделение слюны, усиленный рост ногтей и волос, хорошая переносимость голода, улучшение ночного зрения, а также приятная теплота, разливающаяся по всему телу. К опасным симптомам относили: боль и жар в голове, тошноту, физическое и духовное недомогание.

Ощутив дыхание Ки, приступали к направлению энергии в конкретные действия, проводимые как во взрывной, так и в замедленной манере. Адепты учились не только выбрасывать ки из хара, но и втягивать ее в себя, что могло пригодиться в подпитке энергией при усталости, лечении других, а также при выполнении отдельных техник усложненной методики смертельного касания. Следовало знать, что при выбросе км через конечности они нагреваются, а при поглощении ее извне - холодеют. Кроме того, выброс обычно проводился на выдохе, а вбирание - на вдохе.

В одном из упражнений этой серии надо было встать в широкую стойку, поместить руки ладонями кверху у подмышек и расслабиться. Затем следовало вдохнуть и одновременно с этим создать волну напряжения, идущую от подошвенной впадины (точка ю-сэн) через го-леностопы, голени, колени и бедра к хара, где она сильно и упруго сжималась. На резком выдохе с криком происходил мощный взрывной выброс ки, и как бы новая, но продолжающая первую волна напряжения накатывала из хара к рукам, растопыренные пальцы которых мгновенно и со скручиванием ладоней выбрасывались вперед. Завершая упражнение, вдыхали через нос и быстро оттягивали руки назад.

Резкий выдох с криком, иногда не совсем верно называемый киай следовало тренировать особо. Физиологический смысл его заключался в том, что, изгоняя излишки воздуха, он позволял достичь максимального сокращения брюшных мышц, весьма необходимого для импульсного выброса запасенной в хара энергии; а возбуждение дыхательной системы стимулировало надпочечники, гормоны которых активизировали сердце, что, в свою очередь, предоставляло телу еще одну мощную волну дополнительной энергии.

развития данного умения служили многие упражнения, в начальную задачу которых входило увеличение внутрибрюшного давления и усиление мышц, осуществляющих выдох. С этой целью в некоторых школах использовали свечу, причем фитиль ее располагали на уровне рта сидящего перед ней ученика, которому следовало сложить губы и, задействовав брюшные мышцы, медленно дуть на огонь однородным и сильным потоком воздуха, стремясь к тому, чтобы угол отклонения пламени на протяжении всего выдоха был неизменным. Упражняться рекомендовалось по 5-10 минут ежедневно, причем небольшой исходный промежуток между собой и свечой каждый день увеличивали на несколько сантиметров, добиваясь возможности отклонять пламя с расстояния не менее полутора метров.

Упражнять крик можно было следующим образом. Встав в широкую стойку перед той же горящей свечой, глубоко переполняясь воздухом сверху донизу, вдыхали, а затем с шипящим звуком форсировали через открытый рот неторопливый выдох. Когда казалось, что внутри уже ничего нет, следовало резким сокращением брюшных мышц выбросить с криком последние остатки воздуха, поток которого должен был сбить пламя с фитиля, причем свечу среднего размера требовалось гасить с расстояния не менее полуметра. Развивая мощь резкого крика-выдоха, подобные практики, кроме своего основного предназначения, очень помогали в должном применении духовых стреляющих стрелами трубок (фукия) или выплевываемых изо рта игл (фукуми-бари).

В другом упражнении из данной серии вдыхать и выдыхать следовало в той же манере, но после того, как первая часть выдоха завершалась, стоящий рядом партнер с силой бил головой в живот тренируемого, который одновременно с этим яро выбрасывал из себя воздух или крик. При должной технике толчок поглощался без малейшего вреда, и, кроме отработки, киай позволял выработать привычку резко выдыхать на пропущенный удар, значительно уменьшая этим его отключающее и разрушающее воздействие.

Выполняя упражнения на киай, следовало учитывать, что истый крик должен исходить из хара без участия гортани; если после нескольких повторений горло заболевало, исполнение считалось неверным. Другой недопустимой ошибкой было излишнее напряжение лица и шеи, проявляемое в их покраснении и могущее привести к опасному внутричерепному разрыву кровеносных сосудов.

Понятие киай неизмеримо богаче, чем затронутые аспекты разбойно-пронзительного крика. Это - гармония со вселенским ки, выраженная в физической и ментальной готовности к действию, буквально пронизывающей все крепкое тело опытного бойца. Реализацией такого состояния занималась тоатэ-но-дзюцу (искусство удара на расстоянии) , получившее позднее известность как киай-дзюцу.

Существовало несколько видов крика, каждый из которых имел свой стиль и предназначение. Среди них был и атакующий вопль "йаа", издаваемый в момент нанесения удара; и останавливающий крик "хо", предостерегающий недруга от нападения; и торжествующий клич "йоо", добивающий противника своим несомненным преимуществом; и беззвучный рев "умм", выражающий неистовость "силы убийцы" (сакки), направленной против ки врага. Действуя на дух жертвы, пронзительный вопль ломал у нее волю и ритм дыхания, а порой, как утверждали некоторые, мог и убить.

Техника испускания таких криков в принципе была подобна вышеописанной, но к мощи звука подключали психоэмоциональное отношение - ярость, неистовость, скрытую угрозу, уверенность торжества,- исходящее из того или иного энергетического центра, что значительно увеличивало его психологическое воздействие как на окружающих, так и на самого исполнителя. Имитация здесь была попросту невозможна; результат могли дать лишь тотальное вовлечение в действие и абсолютная поглощенность им.

Неистовость духа проявлял не только крик, но и взгляд. Посыл энергии мышечной волной через глаза был опасен, и здесь применяли другой путь. Используя воображение, пытались создать ментальный канал между глазами и различными утонченными центрами уже упоминавшихся пяти стихий. Для этого обычно прибегали к "дыханию через зрачки", при котором ощущаемое ки втягивали на вдохе в глаза и проводили в соответствующее базовое место, а затем, на выдохе, отправляли по тому же пути назад.

Выброс психической энергии мог быть импульсным или растянутым. В первом случае нужное чувство упруго сжималось в цветовой шарик того или иного стихийного центра, который в должный момент взрывался, направляя свою энергию по уже знакомому пути к врагу. Функцию пусковой заслонки при этом часто выполнял быстрый подъем предварительно опущенных (при поднятой голове) глаз или резкий боковой бросок зрачков к мишени, в качестве которой обычно выступали пространство между бровей, глаза, а также некоторые другие точки на теле атакуемого противника.

При растянутом выбросе энергии в соответствующем центре постоянно вздували огонь желаемого чувства, кое по уже проторенному пути направляли через зрачки к врагу. Для этого, разумеется, следовало иметь в себе должный запас нужной энергии и в совершенстве владеть техникой яркого выражения тех или иных психических проявлений.

Для отработки атак взглядом служили упражнения со своим отражением в зеркале, игры на реакцию с отвлекающим ударом зрачками, а также попытки подчинить волевым посылом из глаз того или иного, желательно хищного, зверя.

Кроме боевых применений, управление витальной (жизненной) энергией обеспечивало и лечебный эффект, обладая им, можно было, например, нейтрализовать боль или остановить кровотечение. В первом случае источник боли как бы шунтировали потоком ки, а во втором - ментально (т.е. силой мысли) перекрывали в поврежденном районе капилляры.

Господство над ки позволяло многое, но не все. Трудно сказать, владел ли искусный ниндзя Сасукэ Сарутоби этой методикой, но, когда после удачного выполнения задания он по возвращении назад попал в стальной капкан и в попытке уйти был вынужден отрезать себе стопу, ментальная мощь не спасла его от потери крови, и, теряя сознание, но не честь, храбрый ниндзя был вынужден совершить надежное, хотя и не уведшее его в вечное небытие харакири.

VII. РАБОТА ОРУЖИЕМ

Золотой век ниндзюцу совпал с разгулом самурайского сословия, чье увлечение воинскими искусствами до сей поры ощущается не только в Японии, но и в далекой дали от ее суровых берегов.

По всей стране в те буйные времена расцветало множество боевых школ (рю), оттачивающих мастерство воина в обращении с тем или иным видом стандартного оружия. В противниках у ниндзя ходили не жалкие дилетанты, а гордые профессионалы, одолеть которых можно было скорее странностью боя, чем классикой предписаний. Действуя в самых непредсказуемых ситуациях, призрак обязан был знать все базисные оружия самураев (меч, лук, копье, алебарду...) и, конечно же, владеть оригинальными секретными образцами, созданными в недрах его родного, противостоящего всем и вся клана.

Поскольку сама суть ниндзиной работы подразумевала невидимость, воин-демон резонно избегал прямой схватки, стремясь достичь максимума эффекта с минимумом затрат (принцип ин син тонкэи), ничуть не отвлекаясь на воинские забавы, весьма любезные неистовому сердцу вечно занозистых самураев. Исходя из этого многие оружия ниндзя служили ему не столько для нападения, сколько в качестве универсальных орудий, могущих пригодиться в самых невероятных зигзагах деятельности хитрого и умного лазутчика.

Изощренная мысль невидимки работала в двух направлениях: беря какое-то оружие, он тут же прикидывал, для чего еще оно может пригодиться, а имея под рукой хозяйственный предмет, быстро соображал, как бы его применить в бою. Многофункциональность орудий сокращало количество носимых с собой приспособлений, а специфика шпионской работы заставляла маскировать отдельные оружия под безобидные предметы, позволяя при возникших осложнениях несказанно изумить совсем не ожидавшего такого наглого подвоха самурая.

В ходе веков многие интересные разработки ниндзя влились в те или иные школы, будо (пути воина), тогда как самобытные оружия и умения других бойцов без малейших сомнений брались в тренинг и жизнь верных потомков, вечно стремящихся к недостижимому совершенству ночных дьяволов. Некоторые из применяемых ими оружий уже упоминались в списке дисциплин классического ниндзюцу, ну а теперь мы попробуем остановиться на них немного подробнее.

СИНОБИ-ГАТАНА

Японцы верят, что меч - это душа самурая. Каждый уважающий себя воин носил в свое бурное время два несколько разнящихся по длине клинка (вакидзаси и катана), которые зачастую были чудными произведениями изысканного искусства, наделенными особой духовностью, что, по мнению горделивых владельцев, неизмеримо повышало их реальную ценность. Совсем иначе относились к мечу практичные ниндзя, смотрящие на него без особого пиетета, а как на очень полезный, но сугубо утилитарный, хотя и весьма универсальный предмет (рис. 27).

Для лучшей мобильности лазутчики предпочитали более короткие (около полуметра), чем у самураев клинки, позволяющие быстро и бесшумно передвигаться по узким коридорам замка или в других не очень-то удобных для вооруженного человека местах. Меч при этом носили у пояса или за спиной.

Клинок, который ниндзя обычно выковывали в своих мастерских, представлял собой прямую (стиль тёкуто) стальную заостренную с одной стороны пластинку, изготовленную из железного прутка, выдержанного в болотистом месте с тем, чтобы едкая вода источила ржой плохой металл, оставляя для намеченного оружия вполне качественный полуфабрикат. Все это было совсем не лишним, хотя здесь важнее была не бритвенная острота ухоженного лезвия, а грубоватая крепость надежного в любом деле инструмента, способного легко взломать дверь или прорубить в стене нужный для какой-либо очередной акции лаз.

Гарда меча (цуба) была больше обычной и представляла собой широкий стальной квадрат, способный служить опорой импровизированного рычага, а иногда и как молоток. Преодолевая барьер, можно было приложить к нему меч и использовать гарду в качестве ступеньки или же зацепиться ею за верхний край препятствия и подтянуть себя кверху.

Рис 27. Меч ниндзя (синоби гатана).

Ножны меча (сайя) имели защитный цвет и мастерились длиннее клинка. Дополнительное пространство в нижнем снимаемом кончике употреблялось для переноски ослепляющих и взрывчатых смесей, ядов, донесений (в виде кодового узелкового письма), а также других мелких, но полезных предметов. Размещенная внутри ножен трубка являлась духовым ружьем, а сами ножны (со снятым кон иком) служили звуковым рупором для подслушивания или дыхательной трубкой при уходе под воду.

Перевязь меча (сагэо) изготовлялась из сыромятной кожи и выглядела длиннее обычной. С ее помощью вязали захваченных врагов, создавали подсекающие (на уровне лодыжек) ловушки, опускали и затаскивали наверх грузы, подвешивали (используя ножны в качестве беседки) в засаде к потолочной балке или крепились при длительном пережидании к дереву.

Поскольку меч ниндзя был заметно короче самурайских клинков, методики его боевого применения являли собой явное своеобразие. Вместо рубящих ударов оритвенно-острым лезвием, кроящим тело незадачливого противника на две половинки, лазутчик предпочитал ближний бой с ударами рукояткой (рис. 33), колющими тычками и пилящими разрезами. Атаки врага обычно избегали не блокированием, а ускользанием и использованием принципа кобоити (нашедшего себя в иаи-дзюцу), рассматривающего защиту и нападение как одно целое. Таясь от вражеских глаз, лазутчик часто припадал к земле, поэтому обычной тактикой стала молниеносная атака из положения стоя на колене, при котором пятки обеих стоп были подняты, ягодицы касались пяток, а 70% веса тела располагались на заднем носке.

Рис. 28. Захват рукояти меча двумя руками.

Захват оружия был традиционным и двухкистевым (рис. 28). Правая рука держала рукоятку (цу-ка) чуть ниже гарды (цуба), а левая кисть располагалась у торца (касира) этой рукоятки. Руки на цука были разнесены (ибо в противном случае возникающее перенапряжение запястьев делало движения замедлен- ными), а верхняя кисть не касалась гарды. Рукоятка лежала в диагоналях (а не поперек) кистей, обеспечивая захват гибкостью и силой, а стыки больших и указательных пальцев обеих рук располагались на одной прямой с обухом лезвия (мунэ), что придавало удару точность. Захват цука осуществляли нижние пальцы кистей, тогда как большие и указательные были расслаблены и выявляли утонченность движений клинка.

Рис 33а. Фрагмент боя с мечом.

Боевые позиции (камаэ) соответствовали манере ведения поединка и по аналогии с боем без оружия могли привязываться к той или иной стихии. Так, Землю представляла конго но камаэ (рис. 29), Воду - хассо но камаэ (рис. 30), Огонь - дайдзёдан но камаэ (рис. 31), Ветер - рюсуи но камаэ (рис. 32).

У недруга атаковали конечности и другие уязвимости, но в этом деле было много важных нюансов. Так, если противник занес меч и был поражен даже легким уколом в среднюю часть тела, удара можно было не опасаться; а вот когда врагу, пусть даже сильно, подрезали снизу кисти, это совсем не мешало ему завершить свою ниспадающую атаку.

Рис. 33б. Захват рукояти меча двумя руками.

Не обставляя мечевой бой ритуалом классического фехтования, ниндзя привычно избегал здесь каких-либо ограничений, используя все, что только могло принести ему желаемую удачу. В ход шли параллельные удары ногой (рис. 34), бросание в глаза сопернику разъедающих порошков, изумление врага огнем или другим отвлекающим трюком, ослепление неприятеля зеркальным солнечным зайчиком и т.д. Пустив в ход саймин-дзю-цу (гипноз), опытный призрак мог "раствориться" перед противником, заставив его фиксировать кончик своего меча, который затем "утраивался" и "ушестерялся", причем каждый из возникших при этом фантомов казался ошарашенному недругу в равной мере реальным.

Рис. 29. Боевая позиция с мечам в стиле Земли (конго но камаэ).
Рис. 30. Боевая позиция с мечам в стиле Воды (хассо но камаэ).
Рис. 31. Боевая позиция с мечам в стиле Огня (дайдзедан но камаэ).
Рис. 32. Боевая позиция с мечам в стиле Ветра (рюсуи но камаэ).

Удар мечом в сочетании с ударом ногой.

СИНОБИ-ДЗУЭ

Бой палкой широко применяли как воинственные самураи, так и мирные поселяне, четко осознавшие, что при должном овладении она позволяет одолеть не только бандитствующего бродягу, но и вооруженного мечом профессионала. Безобидно смотрящаяся трость в руках благочестивого монаха или беспомощного слепца могла оказаться мощным тайным оружием замаскированного ниндзи. Нижнюю часть такой обманчивой палки утяжеляли свинцом, тогда как в углублении другого конца иной раз находилась цепь с грузиком, так что при резком махе снарядом она вылетала к цели и могла, например, обвить ноги противника. Стреноженного недруга рывком опрокидывали на землю, а затем, подскочив к упавшему, приканчивали его утяжеленным (нижним) концом оружия.

Некоторые трости имели внутри себя длинное острое лезвие, которое резким движением запястья выбрасывалось наружу и, заблокировавшись, превращало палку в копье.

Рис 36. 1-я боевая позиция с палкой (хири итимондзи но камаэ).
Рис. 37. 2-я боевая позиция с палкой (мунэн мусо но камаэ).

Иногда в углублении посоха помещали ослепляющие порошки, свинцовые шарики или нож с опереньем с тем, чтобы, махнув палкой, их можно бы было неожиданно швырнуть в лицо нападающего (рис. 35), отнимая у того привычную возможность испробовать на еще одной жертве остроту своего сумасбродного меча.

Рис. 38. Атака палкой из хира (итимондзи но камаэ).

Кроме специально подготовленных образцов, ниндзя, разумеется, мог орудовать и заурядной палкой варьируемой длины: шестом (бо), тростью (ханбо), короткой палочкой {конго). Техники в каждой школе были свои, но обычно предпочитали ускользающий уход от атаки с одновременной контратакой, что было более экономично и менее затянуто, чем промежуточное блокирование. Излюбленной целью атак являлись конечности и открытые части тела, причем ассортимент воздействия был необычайно велик; палкой причиняли боль, ломали суставы и кости, травмировали внутренние органы, выбивали оружие, заваливали на землю, оглушали, душили, сковывали движения.

Активную трость (ханбо) часто держали в обеих кистях, что придавало удару необходимую силу, но иногда действовали лишь одной рукой, увеличивая этим быстроту и маневренность оружия. В первом случае нередко применяли позицию хира итимондзи но камаэ (рис. 36: стопы разведены вбок на длину голени, носки обращены несколько наружу, опущенные на ширине плеч руки симметрично удерживают - ладонями к телу - палку), во втором варианте подчас начинали из безобидно смотрящейся мнэнмусо но камаэ (рис. 37: положение ног естественное и удобное, пятка трости касается земли возле одной из стоп, тогда как одноименная кисть держит оружие - большим пальцем кверху - у его верхнего конца).

Атаковать из хира итимондзи но камаэ можно было, не меняя положения кистей (восходящий удар под подбородок, прямой удар в гортань (рис. 38) и т.д.), либо используя скользящий захват, придающий неожиданному удару устойчивую силу. Атака или отбив из му-нэнмусо но камаэ обычно (но не всегда) шли за счет резкого щелчка кисти с расслаблением последних пальцев, что выбрасыавало нижний конец трости по восходящей дуге к намеченной цели.

В ходе боя широко применяли чередование техник (удар с последующим удушением, блок плюс выкручивание сустава...) и быструю смену захвата как, например, в известном приеме, где атакующую руку или подбородок врага сбивали кверху из мунэнмусо но камаэ (рис. 39а), захватывали ударивший и поднятый теперь нижний конец палки другой кистью (рис. 396) и, фиксируя данный захват, скользили к нему основной рукой, направляя этим удар верхней частью оружия в голову агрессора (рис. 39в).

Техники короткой палочки конго имели свои особенности. Первоначально она представляла собой культовый предмет буддийского ритуала и изготовлялась из сандалового дерева, но созданные для нее боевые техники вполне работали с любыми небольшими удлиненными предметами: простым и железным веером, флейтой, курительной трубкой, палочками для еды (хаси) и т.д.

Держали конго по-разному. Зажатая поперек ладони за середину, она допускала широкий простор ударных болевых и рычажных воздействий (рис. 40), расположенная диагонально в кисти - облегчала целевую точечность атаки (рис. 41), а помещенная между развилок безымянного пальца с мизинцем и указательного - с большим, хорошо подходила для болевого давления на кость (рис. 42). В-некоторых случаях палочку держали так, что один из ее концов выступал из кисти параллельно отставленному большому пальцу, причем возникшей клешней было очень удобно ущемлять мышцы или пережимать артерию либо гортань (рис. 43).

КУСАРИФУНДО.

Это компактное и весьма удобное оружие представляло собой тусклую цепочку длиной около 60 сантиметров, к обеим концам которой крепились небольшие (длиной в 5-7 сантиметров) железные бруски (рис. 44). Ввиду своей портативности снаряд легко утаивался в кисти и совершенно неожиданно для врага "удлинял" в бою руку своею господина.

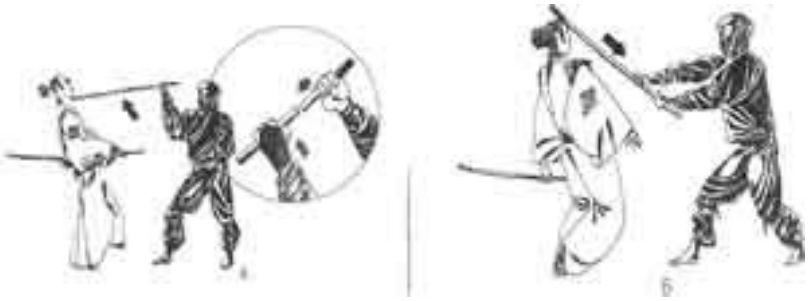


Рис. 39. Двойная атака палкой со сменой захвата на мунэн мусо но камаз.

Рис. 40.1-й способ держания конго и вариант его применения.

Рис 41. 2-й способ держания конго и вариант его применения.

Рис. 42.

Рис. 43.

Рис 42. 3-й способ держания конго и вариант его применения.
Рис 43. 4-й способ держания конго и вариант его применения.

Рис. 44.

Рис. 45.

Рис. 46.

Рис. 44. Кусарифундо.
Рис 45. Утаивание кусарифундо в кисти.
Рис 46. Боевая позиция с кусарифундо (хаймэн но камаэ).

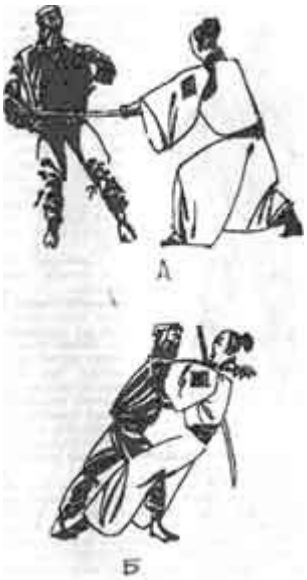


Рис. 47. Фрагмент боя с кусарифундо.

Скрывая кусарифундо в руке, следовало поместить один грузик поперек ладони и прижать его тремя пальцами (мизинцем, безымянным- и средним (рис. 45а), затем - собрать на ладони цепочку и "запереть" ее сверху большим пальцем и, наконец, пристроить в кисть второй грузик, фиксируя его указательным пальцем (рис. 45б).

Сложенное таким образом оружие незаметно держалось в естественно висящей (тылом кисти вперед) руке (исэи но камаэ) или же прикрывалось где-то на уровне солнечного сплетения другой рукой (гохо но камаэ). При этом сохранялась возможность мгновенно пустить снаряд в ход либо путем освобождения верхнего грузика и цепочки, либо перехватыванием того же грузика другой кистью и использованием в боевых действиях растянутой между конечностями цепи.

При работе одной рукой можно было резким выпадом бросить грузик в лицо противнику (нака-фури), а затем втянуть цепь обратно в кулак. Отличный эффект имели горизонтальные, вер-тикальные и диагональные маховые удары свободным бруском, который иногда крутился в различных плоскостях и фигурах в стиле небезызвестной нунчаку с тем, чтобы в должный момент поразить врага дина-микой своей мощи или же, захлестнув противнику ногу, опрокинуть его на землю.

Растянутая между рук цепочка хорошо блокировала всевозможные удары, позволяя тут же атаковать грузиком (рис. 46), защемить и выкрутить оружие (рис. 47), опрокинуть про-тивника через рычаг скованной руки на землю либо, переведя цепочку на горло, удушить его сзади. Иногда скрываемую от врага цепь растягивали на спиной по диагонали (хаймэн но

камаэ) (рис. 48), а затем неожиданным маховым ударом одного грузика снизу или другого сверху мгновенно поражали если не воображение, то плоть незадачливого агрессора.

КЁКЭЦУ-СЁГЕ

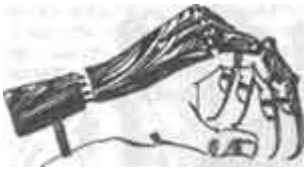
Сие любопытное изделие (рис. 49) являлось ниндзи-ным вариантом довольно известного и всегда неприятного для самураев простонародного орудия кусарикама (серпа с цепочкой) (рис. 50), нашедшего ввиду своей изрядной универсальности весьма широкое применение в коварной среде профессиональных лазутчиков.

Кёкэцу-сёге представляло собой нож с двумя спаренными клинками, один из которых был прямой и обоюдоострый, а второй - круто изогнутый. К торцу ножа крепилась прочная и эластичная (обычно из женского волоса) веревка длиной в 4-5 метров, к другому концу которой привязывалось металлическое кольцо.

Использовали это оружие по-разному. Можно было, метнув кольцо, обвить веревкой руки врага и, подтянув его к себе, полоснуть по горлу кривым клинком, или же, зааркан ив чью-то ногу, резким рывком опрокинуть бедолагу на землю, а затем, подскочив к нему, повязать его той же веревкой. При атаке фехтовальщика меч ловили в развилку спаренного ножа и резким движением кисти выбивали оружие из рук нападающего (рис. 51); сталкиваясь со всадником, зацепляли его крюковым лезвием и сдергивали с лошади, а быстро вращая нож вокруг себя на веревке, удерживали какое-то врем яврагов на благоразумном для них расстоянии.

Рис. 51. Фрагмент боя с Кёкэцу-сёге.

Заброшенное наверх лезвие-крюк позволяло взобраться на стену или корабль, а будучи перекинутым на другую сторону расщелины или реки - облегчало переправу. В последнем случае было полезно и кольцо, которое, скользя по веревке, значительно упрощало переброс грузов и людей. Кольцо, надетое на сук, давало быструю и надежную опору, а используемое в качестве скользящей подставки - применялось в самых разнообразных и смущающих врага трюках.



Когтевая перчатка сюко.

Когтевые обручи тэкаги:
а) ручные когти (сюко),
б) ножные когти (асико).

КОГТЕВОЕ ОРУЖИЕ

Эти железные имитации когте-вых лап неведомых зверей были пугающе неприятны для многих самураев и весьма полезны в повседневной работе всестороннего лазутчика. Любопытным образцом данного изделия являлись металлические перчакти с когтями (сюко), носимые обычно на обеих руках (рис. 52). Бронируя тылы кистей, перчатки крепились к ним кожаными

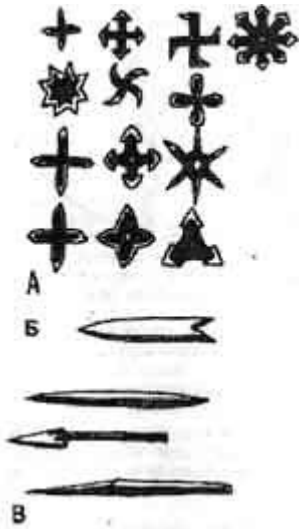
ремешками и позволяли безболезненно парировать острейшие клинки нападающих, а также легко крушить их не привыкшие к такому грубому обхождению челюсти. Железные когти значительно облегчали лазанье по деревьям, скалам, бортам судов и замковым стенам, а при необходимости могли использоваться и для рытья земли.

Рис 54. Фрагмент боя с тэкаги.

Другим вариантом данного уникального оружия были когтистые обручи для рук и для ног тэкаги. Первые состояли из двух (узкого и широкого) железных ободов, соединенных металлической полоской, причем узкий обод надевался на запястье, тогда как широкий обхватывал ладонь, так что связующая пластинка была на ладонной стороне и там же от широкого обода выступали четыре заостренных шипа (рис. 53а).

Представленное приспособление использовалось подобно сюко, но большая точечность "когтей" позволяла эффективнее располосовать лицо неудачливого врага (рис. 54) и легче ускользнуть от замковой охраны в подпрыгивающем зацепе за потолочную балку. Что же касается ножных когтей (асико), то они крепились к подошвам табби веревкой (рис. 53б) и применялись в основном в паре с ручными когтями для лазанья, хотя, разумеется, могли быть полезны и в бою.

Упрощенные образцы предыдущих разработок представляли металлические когти, прилаживаемые к кончикам пальцев накладками из кожи животных или надеваемые на них подобно колпачкам (нэко- дэ), причем особенно любили это оружие женщины-тени (куноити). Надо сказать, что некоторые ниндзя предпочитали естественность и отращивали свои собственные ногти, укрепляя их различными природными средствами и приводя затем в боевое острозаточенное состояние. Такими ногтями можно было атаковать слабую кожу черепа, травмировать глаза, резать шейную артерию.



Сюрикэны: а) хира-бюрикэн (сякэн), б) итакэн, в) бо сюрикэн.

СЮРИКЭН

Эти метательные снаряды были любимым тайным оружием ниндзя, и мы попробуем рассказать о них немного подробнее. Небольшие и легкие, они не занимали много места и часто хранились в обойме по девять (священное число) штук, либо в специальном быстрооткрываемом кожаном футляре, носимом за пазухой, либо в особом колчане, скрытно прилаженном к предплечью, голени, а иногда и между лопаток за спиной.

Рис. 56. 1-й способ метания бо-сюрикэна и инакэн.

Различали два основных вида сюрикэн, причем к первому относились тонкие плоские пластинки с многочисленными (от трех до десяти) прямыми или изогнутыми остриями, отходящими от центра (хира-сюрикэн или сякэн) (рис. 55а), тогда как вторые имели удлиненное плоское (итакэн), круглое или граненое тело, заостренное с одного или обоих концов (бо-сюрикэн) (рис. 556). Длина стрел обычно лежала в пределах десяти-двадцати сантиметров, а диаметр звездочек - четырех-десяти сантиметров.

Современные тарелкообразные сюрикэны, изготовляемые на Западе, слишком массивны и довольно бессмысленны (хотя и легко бросаемы) в автономном путешествии, где за каждым граммом носимого веса должна лежать полезная нагрузка*. Предпочитая иметь пачку более легких сюрикэн, ниндзя обеспечивал их эффективность изумительной точностью и массированностью удара, а порой и подпиткой лезвия ядом. Поскольку тело и конечности тогдашних воинов защищали латы, легкие сюрикэны чаще всего применялись как отвлекающее оружие, жалящее в неприкрытые районы шеи, лица или кистей рук, хотя при удачном попадании в ту же шею или глаз они могли причинить и серьезную травму.

Техник метания бо-сюрикэн было много. Перед броском его либо клали диагонально в ладонь так, что большой палец располагался вдоль стрелы с одной стороны, а остальные обхватывали ее с другой (рис. 56), либо помещали в середину ладони, прижимая сверху большим пальцем (рис. 57б).

Метали стрелу ровным ускоряющим движением плеча и предплечья как в вертикальной (рис. 56 и 57б), так и в горизонтальной (рис. 57а) плоскостях; как сверху (рис. 56), так и снизу (рис. 57б). Запястье обычно сохраняли прямым и блокированным, а снаряд выпускали при полном выпрямлении руки, направляемой на цель большим или средним (в зависимости от типа захвата) пальцем.

На ближней дистанции (один-два шага) стрела летела без поворота, и ее брали острием в направлении пальцев. На большем расстоянии (три-четыре шага) она делает полоборота и должна держаться жалом к запястью, а затем, по мере удаления, опять размещаться острием к пальцам (полный оборот) и т.д. Упражняясь, следовало найти свое расстояние для полуоборота и оборота и в соответствии с этим выбирать тот или иной тип захвата. Значительно упростить дело здесь позволяло использование обоюдоострой стрелы или дротика с опереньем.

При массированной атаке стрелы могли держаться пучком в левой руке и вытягиваться одна за одной правой, причем пучок как бы сопровождал каждое такое вытягивание. Все это обычно налагалось на колебательное смещение тела назад-вперед, так что при откачивании назад шло выуживание стрелы и вдох, а при накатывании вперед - бросок снаряда и выдох.

Что касается хира-сюрикэн, то метать его было заметно проще, так как удачная конструкция модели позволяла непременно поразить цель не тем, так иным лезвием. В отличие от техник стрелы, где запястье, стабилизируя полет, обычно блокировали, здесь, наоборот, часто применяли резкий щелчок кисти, помогающий сделать весьма сильный бросок почти незаметно.

Одну из плоскостей полета задавала поверхность рабочей ладони с вытянутым указательным пальцем, вдоль которого лежал сюрикэн, придерживаемый с противоположной стороны большим и другими пальцами (рис. 58а), причем в завершающей фазе броска ноготь указательного пальца указывал на цель (рис. 58б).

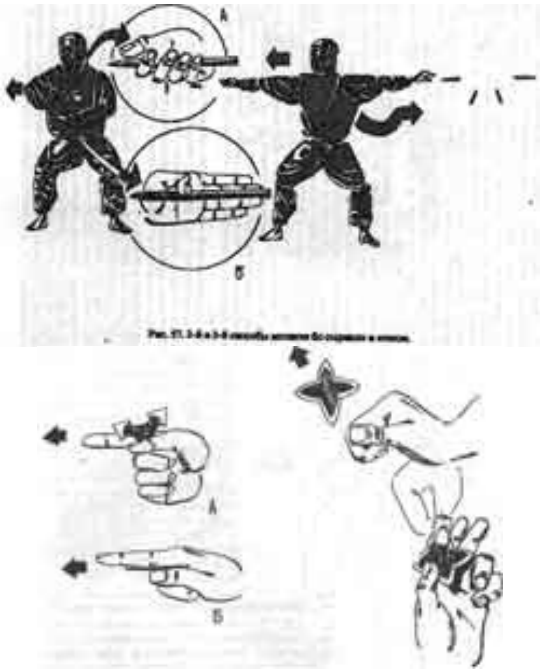


Рис 58. Захват хира-сюрикэн для метания.
Рис 59. Выщелкивание сякэн из пачки сложенных лезвий.

При массированном выбросе лезвий по горизонтали стопка снарядов лежала в левой кисти и ее большой палец раз за разом выдвигал (как при сдаче карт) очередной верхний сюрикэн, который зажимался между большим и указательным пальцами правой кисти и резким щелчком запястья посылался в цель (рис. 59). Горизонтальная плоскость полета определялась плоскостью сложенных лезвий, а направление движения в ней - взаиморасположением рук и углом щелчкового разгибания запястья.

Сякэн разбойничал в двух манерах. Им можно было атаковать, либо вгоняя острие в цель, либо закручивая (смещая захват к периферии) снаряд так, что вращающиеся лезвия подобно циркулярной пиле резали мишень и отлетали от нее в сторону. Лазутчики обычно (но не всегда) предпочитали второй вариант, ибо в первом случае раненый противник мог вытащить всаженную в него звездочку и метнуть ее назад, в нападающего.

Точки, используемые для массажа в сюрикэн-дзюцу (крестиками отмечены места, массируемые после метательных акций).

Тренинг в сюрикэн-дзюцу начинали с культивации чувства должного выпускания снаряда, ловя и закрепляя специфичное ощущение, что лезвие как бы само выскальзывает из кисти, а не швыряется в цель, расположенную для начала весьма близко. Обретя требуемое осознание, увеличивали дистанцию и учились вкладывать в бросок вес тела, мощь скручивания бедер, разгибательную силу различных частей рук. Чтобы улучшить функциональные возможности руки, перед боем и тренингом применяли специальный точечный массаж, который (но уже по другим точкам) проводили и после метательных акций (рис. 60).

После всего этого шло долгое совершенствование точности поражения цели при самых различных условиях: в беге, с обеих рук, при усталости, в темноте на звук, в акробатических прыжках и перекатах, одновременно с выхватыванием меча, при активно уклоняющемся объекте и т.д. В качестве мишеней обычно использовали стволы деревьев, причем целевой район ограничивали кружком в один - два сантиметра, а дистанцию - десятью - пятнадцатью шагами.

Использование сюрикэн в качестве кастета

Метать любой сюрикэн следовало в состоянии единства души и тела (риай). Пальцам не давали излишнего напряжения, и снаряд должен был выскальзывать из кисти, как мышка из норки. Мишень поражали не только острием, но и своим духом. Метить в противника надо было не абстрактно, а локализуя цель, представляя ее, например, в виде небольшой монетки на его теле. Иногда здесь применяли и так называемый принцип канимэ (глаз краба), согласно которому, различив черную бусинку (канимэ) в белке глаз надвигающегося противника, следовало тут же метнуть в нее свое лезвие.

Последний сюрикэн обычно не бросали; зажатый в руке, он служил неплохим острокастетным оружием (рис. 61), по степени выпирания которого выбирали и атакуемые точки врага.

Наловчившись бросать снаряд, обучались и ускользать от него. Этому полезному делу служило специфичное умение тотоку хиёси, при котором ниндзя отражал мечом (то) летящий в него сюрикэн и посылал его назад в метателя. Взамен меча могли использоваться различные подручные средства вроде палки, железного веера, флейты, а иногда и открытая ладонь, сбивающая летящую звездочку сбоку.

Упражняясь в уклонении, надо было опустошить ум и встать перед партнером, который вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее бросал снаряд в центральную ось тела тренируемого, причем среагировать следовало в самый последний момент, совершенствуя этим реальную возможность ускользнуть от самой близкой и внезапной атаки. Последующая практика заключалась в уходах от летящего лезвия в ограниченном пространстве, а также из положений сидя и лежа.

VIII. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Стать невидимкой было совсем не просто; кроме отлично тренированного тела здесь нужны были и соответствующие аксессуары. Специфич-ная одежда ниндзя (синоби сёдзоку) состояла из целы-ного либо составного капюшона-маски прикрывающего лицо; куртки с поясом и многочисленными потайными карманами и крючочками; специальных крепких и просторных брюк; кожных обмоток и мягкой обуви с расщепленным носком (таби), подошва которой была снабжена ватной подушечкой и подшита парусиной ИЛИ просмоленным холстом, что обеспечивало как бесшумное передвижение, так и легкость зацепа при головоломных проходах по самым отвесным скалам или могучим стенам недружественных и вечно опасных замковых и монастырских твердынь.

Под курткой иногда носили гибкую кольчужную рубашку, прообраз современных кевларовых бронежилетов, причем в боевом варианте той же броней прикрывали кисти, подбородок и шею, а на голов надевали гибкий кольчужный шлем. Надо лбом под капюшоном могли крепить тонкий удобный кинжал, а на запястьях располагали металлические пластинки с щелевыми выступами, куда при защитной подставке соскальзывало лезвие атакующего меча, давая лазутчику чудный шанс резким движением руки обезоружить незадачливого и ничего не понимающего противника.

Цвет униформы определялся спецификой работы; действуя в основном ночью или в полутемных лабиринтах замка, ниндзя предпочитал черную с красноватым отливом одежду, изнанка которой, расширяя возможности камуфляжа, была темно-голубой, зеленой или желтовато-коричневой. Зимой, когда земля покрывалась снегом, вся экипировка лазутчика, включая ножны меча и обувь, выглядела белой.

Облачение ниндзя было по-монашески мешковатым; оглаживая контуры тела, оно мешало выделить фигуру человека в окружающей среде, помогая ему "раствориться" даже вблизи ничего не подозревающего противника. Будучи схвачен, призрак мог мгновенно выскользнуть из рук озадаченного преследователя, оставив тому на память свою экзотическую одежду, а при необходимости - быстро соорудить из нее собственного "двойника", используя его в качестве приманки или отвлечения в самых разнообразных и дерзко одурачивающих трюках (амэтори но дзюцу).

Отправляясь на дело, ниндзя брал с собой все необходимое как для одиночного существования, так и для технического обеспечения необходимой акции. Обычно сюда входили: полотенце (саидзяку тэнугуи), которое, кроме основного предназначения, заглушало звон металлических предметов и использовалось как водяной фильтр, а иногда и как спасающий респиратор в ситуациях с удушающим дымом, веревка с крюком (каги нава), изготовляемая для крепости из тонкого женского волоса; каменный карандаш (ежи хицу); ослепляющий порошок и спасающие лекарства (кусури); энергетический паек и пилюли, подавляющие жажду (кито-ган), укороченный меч (синоби-кэн); останавливающие преследователей подножные "ежи" (тэцубиси) и метательные звездочки (сюрикэн), а также различные специализированные средства и приспособления вроде железных когтей (тэкаги) или портативного скрываемого в ладони факела (тана-гокоро-таймацу).

Хитроумные приспособления (нинки) вообще были слабостью лазутчика; они значительно облегчали его деятельность и экономили ему силы. Ниндзя ничуть не страдал комплексом избыточного эстетства, свойственным некоторым мастерам Востока, кои безапелляционно считали применение механических спецсредств зазорным принижением своей способности обходиться без них. Лазутчику сия любопытная мысль попросту не приходила в голову; главным было дело, и здесь уж в ход шло все, что помогало сделать его лучше и быстрее.

Получив задание, ниндзя зачастую обрекал себя на долгое автономное существование, стараясь не вступать ни в какие контакты ни с какими людьми. Действуя рационально, лазутчик закладывал на местности тайники, где оставлял припасенные им для акции громоздкие механизмы, оружие и химсоставы, а также пищевые запасы, явно не лишние при быстром ускользании на свою основную базу.

Кроме подножного корма, который, к сожалению, не всегда мог оказаться под рукой, питание при длительной миссии иногда обеспечивал специальный энергетический паек, куда, например, входили: равные части обесцвеченного риса, сушеной сливы, сушеного тунца, сушеной форели и порошка из подкорной мякоти сосны, смешанные с небольшим количеством пшеничной муки.

Чтобы преодолеть жажду, сосали камешек, быстро и ритмично покусывали кончик языка или, сложив последний желобком, звучно втягивали через него воздух. В простых случаях также кусали лук-рорей или замазывали его сок в ноздри, а в усложненном варианте использовали специальные разнорецептурные пилюли (кито-ган), составленные на основе растительных ингредиентов (порошок мокричника, рисовая мука, морковное пюре, просяная пыль и т.д.) и позволяющие обходиться без воды в течение пяти дней.

Основными требованиями, предъявляемыми к походной ходьбе лазутчика, были бесшумность, быстрота и экономичность. При прыжковом движении (тоби-аруки) перемещались мощным толчком ног с фазой полета.

Концентрируясь на брюшном центре хара и установив с помощью тайных слов ритм дыхания, опытный агент мог таким образом быстро и без какой-либо усталости преодолевать очень большие (порой до нескольких сотен километров) расстояния.

В узких проходах и лесистых районах стремительное и бесшумное продвижение обеспечивала боковая ходьба (ёко-аруки), выполняя которую ноги, скрещиваясь при каждом промежуточном шаге, перемещались по одной прямой, лежащей в боковой плоскости тела, а стопы располагались перпендикулярно направлению движения (рис. 62а). Интересно, что при этом трудно было понять, куда же все-таки шел человек, оставивший такой след.

В случае повышенной осмотрительности лазутчик мог использовать ходьбу с поворотами (мавари-аруки), при которой в обычный шаг гармонично вплетался задний поворот с вышагиванием вокруг передней ноги. Колени здесь, как обычно, были постоянно упруго согнуты, центр тяжести несколько понижен, а стопы устанавливались так, чтобы их не было необходимости прокручивать на земной поверхности (рис. 62б), тоща как все тело, включая голову, поворачивалось как одно целое. Такое передвижение позволяло постоянно озирать окружающее пространство и при возникающей опасности мгновенно уходить из поля зрения возможного наблюдателя, используя для этого техники вертикального распластывания (тати нагарэ) или ускользающего переката (кайтэн).

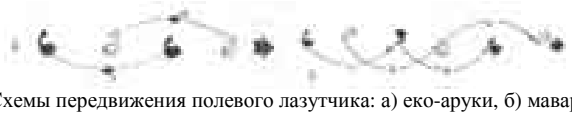


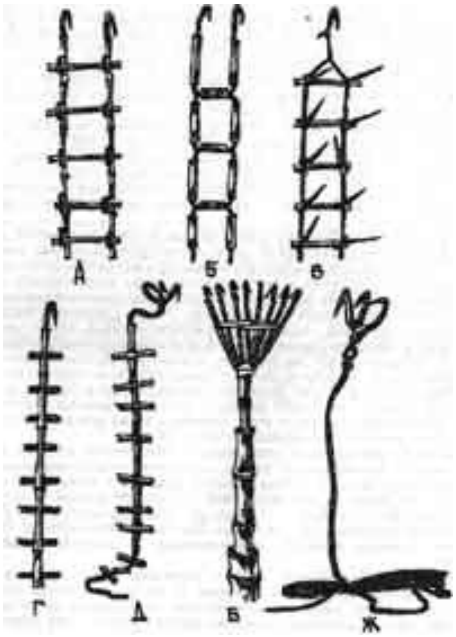
Рис. 62. Схемы передвижения полевого лазутчика: а) еко-аруки, б) мавари-аруки.

Чтобы отработать легкие и бесшумные движения, лазутчик часами бродил в деревянных башмаках (гэта) по льду или же пытался ходить по рисовой бумаге, которую, усложняя упражнение, либо смачивали водой, либо помещал на песчаную дорожку. Особое внимание при этом уделяли контролю дыхания, концентрации на энергетическом центре хара и ментальному представлению легкости своего тела.

Следуя своей особой репутации, ниндзя и здесь не уронили чести ночных демонов. Изощренный ум и ловкие руки лазутчика создали много хитрейших приспособлений, несказанно изумляя и пугая врагов и свидетелей быстротой и необычностью своих перемещений. Так, бамбуковые ролики на подошвах таби позволяли вихрем пролетать по недружественным коридорам опасного замка, ножные поплавки мидзугомо ("водяной паук") обеспечивали переход через водную преграду, а прообраз современного дельтаплана хито-васи ("человек-орел"), изготовленный из бамбука и полотна, давал возможность спланировать во вражеский район с какой-либо возвышенности. Ручной блок (кася) позволял мгновенно пронестись по веревке с одного места на другое, а используя ручные и ножные острийные обручи тэ-каги, можно было ползти по стене огромного замка или идти на руках по потолочной балке во вражеской цитадели.

Зимой к таби крепили поперечные пятилезвенные железки вроде современных альпинистских кошек, которые облегчали передвижение по снежному насту или льду, причем далеко не всякий мог сообразить, что следы от них оставлены в общем-то живым человеком. Если снег был рыхлый и мокрый, то для уверенности движений применяли снежные сандалии (юки-вараги), смонтированные из коротких отрезков бамбука, прикрепленных к подошвам обычной обуви.

Рутинной обыденностью любого лазутчика были всевозможные подъемы и спуски, и, чтобы не терять на это силы и время, ниндзя, пораскинув умом, разработали множество конструкций портативных лестниц (басиго), изготовляемых из дерева, бамбука или веревок в самых различных их сочетаниях (рис. 63). В одном случае это было сборное изделие, состоящее из двух бамбуковых шестов с металлическими кольцами, куда при сборке вставляли бамбуковые перекладины (рис. 63а). Иногда боковые опоры составлялись из полых кусков бамбука, а вся конструкция скреплялась прочной веревкой, пропущенной внутри бамбуковых трубок (рис. 636). В еще одном варианте вместо шестов использовали веревки с петлями, на которых свободно вращались металлические усы, загоняемые в щели стены и предохраняющие лестницу от раскачивания (рис. 63в). Неплохим приспособление был дубовый шест длиной за два метра с большим зацепляющим крюком и металлическими поперечинами (рис. 63г), хотя чаще применялась сходная, но складная конструкция, состоящая из кусков бамбука, скрепленных внутри крепкой веревкой (рис. 63д). Любопытную модель представляли телескопические грабли синоби-ку-мадэ (рис. 63е), зубцами которых можно было зацепиться за край преграды и по черенку взобраться наверх. В сложенном состоянии такой инструмент имел длину около полуметра, а будучи раздвинутым, позволял преодолеть стены высотой до пяти метров.



Конструкции переносных лестниц (басиго).

Среди всех этих спецсредств вне конкуренции, однако, была и оставалась крепкая волосяная веревка с одинарным, двойным или тройным зацепляющим крюком, привязанным к одному из ее концов, тогда как по всей длине ее иногда размещались пособляющие опорные узлы или петли (рис. 63ж). Взбираясь по веревке, ее обвивали вокруг правой ноги, пропуская вдоль внутренней стороны бедра, под коленом, по внешней части голени и поперек верха стопы, где она прижималась подошвой левой ноги с тем, чтобы в любой момент там можно было найти схватывающую точку опоры. Руки держали веревку в диагональном "мечевом" захвате и после блокировки стоп обретали определенную свободу, так что могли использоваться в некоторых побочных действиях (веревка при этом придерживалась у тела верхом (локтем) правой руки).

Следуя извечной традиции, любой из вышеописанных образцов, кроме своего основного рабочего предназначения, служил и отличным оружием, в чем, несомненно, сумели убедиться, но не успели рассказать многие незадачливые самураи, вольно или невольно оказавшиеся на безжалостном пути яро устремленного к своей очередной цели лазутчика-невидимки.

Идя на задание, ниндзя привычно подмечал все, что происходило вокруг. Стихание лягушечьего гама или стрекота насекомых говорили ему о приближающейся опасности, молчание встречной собаки - об отсутствии с ней хозяина, навоз

пасущегося скота - о близости села или хутора. Встревоженные птицы предупреждали о скрывающемся враге, причем в своем полете они всегда устремлялись к безлюдным местам.

Уходя от погони, агент-демон разбрасывал позади себя четырехострийные металлические ежи тэцубиси, одно острие которых - как бы они ни упали - всегда смотрело вверх (рис. 64а). Такой двух - трех сантиметровый шип легко пробивал соломенную обувку преследователя и отбивал у него всякую охоту продолжать свою злосчастную погоню. Вместо тэцубиси иногда применяли игадама - железные шарики с торчащими из них иглами (рис. 646), которые к тому же очень хорошо швырялись в лицо набегающего агрессора, и докубари - отравленные иглы, втиснутые в протянувшиеся поперек тропы корни какого-либо дерева.

Подножные ежи: а) тэцубиси, б) игадама, в) хиси.

В качестве яда в последнем случае часто использовали кровь или навоз лошади, что обеспечивало у возможной жертвы заражение крови и смерть от развивающегося затем столбняка. Когда никаких железных ежей под рукой не было, на помощь приходила природная первомодель - засохшие водяные каштаны хиси (рис. 64в).

Совсем не лишним в извечном автономном существовании суперагента был навык в лечении тех или иных повреждений и способность оказать первую медицинскую помощь в самых неприятных ситуациях той сложной и до непредсказуемости жестокой средневековой эпохи.

Рис. 65. Спасение повешенного.

Так, на рану от меча ниндзя накладывал размятые корни нарцисса, пулевое ранение лечил кашицей из лука-порея, а при возможности столбняка (наступив, к примеру, на заржавленную иглу докубари) помещал на область инфекции кожу гольца, время от времени заменяя ее свежим куском. Чтобы спасти повешенного следовало перерезать веревку и подхватив жертву сзади посадить горемыку на землю, слегка наклонив вперед его голову. После этого надо было двумя пальцами (большим и указательным) энергично промассировать две симметричные точки и - фун, расположенные по бокам его затылка, а затем постукать ладонью по седьмому (выступающему) шейному позвонку и, при необходи-мости, прижечь точку ин-паку, находящуюся на большом пальце каждой стопы возле и несколько внутри от его ногтевого ложа (рис. 65).

IX. НАУКА ПРОКРАДЫВАНИЯ

В чем-чем, а в искусстве тайного проникновения в любые, казалось бы, сверхнадежно охраняемые помещения и лагеря скромный лазутчик не знал себе равных. Ошарашенная стража никак не могла понять, какая неведомая сила всадила нож в горло их суровому господину или отчего это вдруг так ярко запылали их в меру оберегаемые и явно необходимые в условиях жесточайшей осады фуражные и продовольственные склады.

Побуждаемый судьбой и жизнью, ниндзя в совершенстве владел искусством беззвучного и бестеневого движения дзёэи но дзюцу, составной частью которого была крадущаяся ходьба синоби-аруки. Техники такого передвижения обычно зависели от типа ходовой поверхности, но в них явно проскальзывали и некоторые общие моменты. Ноги, как правило, сильно сгибали в коленях, и тело оседало, но не наклонялось вперед, что придавало перемещениям повышенную устойчивость. Все сочленения конечностей трудились в плавной текучести хода как единый хорошо смазанный механизм, не допуская никакой скованности в суставах, а также излишней торопливости, могущих привести к неосторожным шумовым движениям. Если же таковое случалось, то следовало застыть на месте и чуть присесть, снимая этим подсознательное напряжение, а затем глубоко вздохнуть и медленно расслабляюще выдохнуть. Вес, как правило, размещали на одной ноге, тогда как другая легко

прощупывала преодолеваемое пространство и в любой момент могла мгновенно убраться назад. Шаги согласовывали с дыханием и никогда не шли дальше, чем надо.

Лазутчик остерегался ходить по сухим листьям, соломе или бамбуку, производящим шуршащий звук. При ходьбе по высокой траве, тростнику или другой подобной растительности использовали сметающий шаг, при котором выступающая нога с оттянутым книзу носком вонзалась сверху в зеленый ковер, затем поворотным движением от бедра укладывала растения вбок и только после этого ступала на них, производя значительно меньше шума, чем могло было быть при беспорядочной ломке стеблей, характерной для обычного продирающегося движения.

Чтобы пересечь скользкую и мокрую поверхность (кровлю, перекинутое мостиком бревно и т.д.), часто применяли скользящий, притирочный шаг, выполняя который колени сохраняли постоянно согнутыми, корпус вертикальным, а ноги перемещали короткими скользящими движениями, причем сначала вперед выдвигалась передняя стопа, а затем вплотную к ней подскальзывала задняя.

Когда под ногой возникала сыпучая поверхность или гравий, в ход шел плотный катящийся шаг, при котором ноги опять же оставались сильно согнутыми, выпукло-скругленные стопы раз за разом перекатывались с пятки на носок, а колени и лодыжки шли впритирку друг к другу, причем шаги были небольшие, но довольно быстрые; частицы ходовой трассы при этом уплотнялись книзу, а не отшаркивались в сторону.

При наличии мешающих людей перемещаться вне сферы их визуального восприятия (например, за спиной) следовало очень быстро, а на границах периферийного зрения - медленно, ибо в последнем случае глаз замечает быстрые, но не фиксирует замедленные движения.

Вернейшим другом лазутчика была темнота, и он досконально изучил ее возможности и недостатки. Невидимка знал, что даже слабый свет в кромешной тьме снижает чувствительность ночного зрения в сотни раз, а потому охрана, сидящая у костра, хотя и вглядывалась во тьму, но видела не так уж и много. По той же причине он и сам избегал смотреть на огонь, а в случае необходимости использовал только один глаз (чаще правый), тогда как второй прикрывал при этом капюшоном или рукой. Чтобы уменьшить засветку действующего глаза, применяли различные приемы ограничения угла зрения. Можно было, например, смотреть сквозь регулируемое отверстие, образованное большим и указательным пальцами одной руки (рис. 66а), либо через такое же изменяемое отверстие, возникающее между большими и указательными пальцами обеих кистей при их наложении друг на друга (рис. 66б).

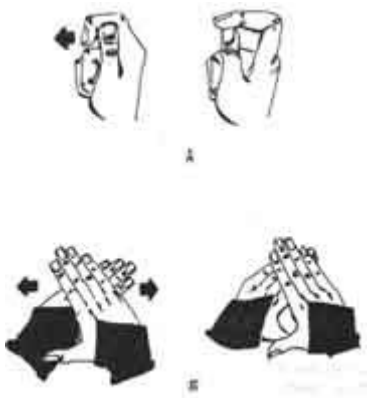


Рис. 66. Способы улучшения фокусировки ночного зрения и предохранения глаз от засветки.

Перемещаясь в потемках, ниндзя избегал открытых к горизонту пространств, стараясь не выделяться четкой фигурой на фоне светлеющего неба или зеркальных поверхностей, а двигаясь вокруг жилых помещений, не заглядывал в окна, если за спиной был какой-либо, пусть даже лунный свет. Хорошо освещенную площадку преодолевали короткими - от прикрытия к прикрытию - рывками или перекатами, тогда как в полутьме использовали медленное равномерное движение от тени к тени. Учитывая явную выделяемость открытой кожи, лицо часто мазали грязью, землей или углем, а на тыльные стороны кистей надевали специальные темные чехлы.

Рис. 67. Вползание по стене в стиле паука.

Остерегаясь нюха сторожевых собак, провести которых было не так-то просто, подходить к лагерю или замку старались с подветренной стороны. Для нейтрализации сих четвероногих иногда подпускали к ним течную суку, которая, увлекая за собою псов, вынуждала их оставлять охраняемое место. Другим трюком, способствующим спокойствию злобной собаки, было смазывание течкой суки своей одежды. Если же животное все-таки набрасывалось на лазутчика, его попросту убивали коротким и резким ударом краем кисти по носу.

Чтобы преодолеть стены вражеского замка или недружественного монастыря, применяли различные спецсредства вроде веревок, шестов или лестниц, но значительно менее заметным (особенно ночью) было вползание по стене в стиле паука с использованием ножных и ручных когтей (асико и сюко), а чаще и вообще без каких-то там приспособлений. В технике такого лазания действовали с растянутыми конечностями и всегда сохраняли опорный контакт трех точек, тогда как четвертая смещалась и выбирала для себя новое базовое место (рис. 67). Распластывание тела по рабочей поверхности с естественным положением рук и ног устраняло излишнее напряжение и усталость мышц, сокращение и расслабление которых согласовывали с ритмом дыхания. Поскольку стены любой, даже неприступной, твердыни имели много щелей и выбоин, применение утонченной техники ментального вживания в камень, используемой иногда в скалолазании (тохэки-дзюцу), здесь было обычно излишним.

Стремясь проскользнуть в нужную ему цитадель, лазутчик тщательно продумывал основные и запасные маршруты, а также пути ускользания и другие действия в случае своего маловероятного, но возможного, обнаружения, хотя последнее рассматривалось как нечто отвлеченное, ибо удачу могла дать только абсолютная уверенность в своем успехе. Чтобы проникнуть на охраняемую территорию, практики и теоретики ниндзюцу разработали и освоили некоторые специальные тактики, бравшие в учет психологию, физиологию, привычки и другие особенности обитателей намеченного для дела объекта. Многие из таких приемов исчезли вместе с исполнителями, тогда как другие стали классическими, и в интерпретации господина Окусэ представлены нами ниже. Сюда, в частности, входили:

- Выбор благоприятного момента (нюкё но дзюцу). В намеченное место чаще всего проникали ночью, когда часть возможных свидетелей спала, а зрение других было значительно притуплено тьмой. С учетом метеоусловий особенно подходили безлунные, туманные, снежные и дождливые ночи, скрадывающие шум шагов и других необходимых движений порывами сильного ветра, звуками грозового ливня или шелестом зимнего снегопада. Лучшим сезоном для тайного проникновения считали весну или лето, поскольку в начале весны людей одолевает сонливость, а летом, утомясь от дневной жары, они спят несколько глубже, чем в другие сезоны.

Удобной для прокрадывания была ночь после прибытия врага из утомительного похода или следующая за продолжавшимся весь день боем, ибо мысли и тела смертельно уставших воинов бредили отдыхом и не очень-то отзывались на всевозможные настораживающие в иной ситуации мелочи. Хорошей считали ночь и после того, как враг победил в бою или провел успешную ночную атаку; победа рождала самоуверенность и - так уж устроен человек - притупляла бдительность.

Проникать в чужой лагерь часто пытались, когда его обитатели были отвлечены каким-либо делом вроде приготовления пищи, ухода за лошадьми, изготовки к ночному рейду, а также во время их обеда или подготовления ко сну. Очень удобным считалось время сразу после несчастного случая, так как мысли противника были заняты только им и восприимчивость к другим раздражителям при сём резко ухудшалась. Неплохим вариантом выглядела первая пара дней после возведения лагеря, ибо враг не успел еще организоваться и войти в форму, а также момент, когда основная часть его сил по той или иной причине отсутствовала.

В личную резиденцию врага чаще всего проникали под завесой ночной грозы либо в ночь, когда возле дома случался пожар или другое (часто инспирированное) необычное происшествие. Благоприятным рассматривался час после дневного празднества, вроде свадьбы, а также после того, как важный член семьи неожиданно выздоравливал. Удобным полагали момент и следующий сразу за несчастным случаем или смертью в семье.

- Обнаружение слабого места в охране цитадели (мономи но дзюцу). Обычно таковыми считали малопосещаемые места, расположенные в стороне от людных помещений (кухня, столовая, кладовая...).

Перспективными для проникновения были черный ход, световой люк, гостевая комната, туалет.

- Отвлечение внимания стража бросанием какого-либо предмета (ёдзи-гакурэ но дзюцу). Предмет здесь использовали любой: зубочистку (ёдзи), камень, монету, сюрикэн и т.д. Бросая вещицу в ту или иную сторону, можно было отвлечь внимание стража и, когда тот удалялся проверить, что там случилось, мгновенно проскользнуть за его спиной в лагерь. Трюк этот, впрочем, был довольно известен, и опытный воин на него, как правило, реагировал, но не ловился.

- Ослепление стражи (хидама но дзюцу). В данном варианте в костер незаметно подбрасывали вспышковую гранату (хидама), изготовлявшуюся обычно из пустой яичной скорлупы, заполненной смесью пороха с магнием. Яркая вспышка мгновенно слепила стражу и давала лазутчику (который прикрывал свои глаза) неоценимую возможность легко проскользнуть прямо под носом у ошалелых от неожиданности охранников.

- Отвлечение противника атакой (суйгэцу но дзюцу). При этом хорошо известном в любой военной разведке способе небольшая группа союзников предпринимала отвлекающую атаку, тогда как лазутчик проскальзывал на вражескую территорию совсем в ином, не внушающем противной стороне никакого подозрения, месте.

- Отвлечение стражи собой (энню но дзюцу). Убедившись, что охрана обнаружила его, ниндзя притворялся убегающим, но, отбежав на несколько шагов в темноту, останавливался и далеко отбрасывая от себя какой-либо предмет, отвлекая туда внимание стражи, тогда как сам возвращался назад и пробирался в цитадель в исходном, но опустевшем на данный момент, месте. В одном из вариантов этого трюка лазутчик старался убедить врага, что он стремится проскользнуть внутрь через одни ворота, а когда тот, поверив в это, отвлекал туда свое внимание, проникал в крепость через другие.

- Прикидывание другом (рякухон но дзюцу). В некоторых случаях ниндзя открыто проходил к врагу, нагло притворившись его сотоварищем. Такой вариант мог сойти при туповатом страже, недавноприбывшем пополнении и хорошей ориентации во внутренних делах и порядках противника.

- Присоединение к вражескому шествию, становясь частью сопровождающих (санса но дзюцу). Это был весьма неплохой трюк, обеспечивающий безопасный проход через заставы и ограждения даже в дневное время. Можно было пристроиться к группе вражеских союзников, так чтобы каждая из сторон думала, что это человек соседей, или же присоединиться к какой-либо веселой и праздничной народной процессии, пересекающей нужную территорию.

- Имитация слабости (ёдзя но дзюцу). При данной тактике ниндзя мог, например, прибиться к толпе маркитантов в качестве не внушающего никакого опасения нищего, калеки либо слепца, и вместе с ними проникнуть к врагу или же имитировать перед охраной щемящую болезненную беспомощность в расчете на то, что она, жалеючи, занесет его в караульное помещение.

- Использование слабостей стражника (нюдаки но дзюцу). В некоторых случаях ниндзя старался узнать характер, привычки и слабости отдельных охранников, а затем, исходя из этого, использовал для своего проникновения тот или иной из уже описанных трюков. Так, при глуповатом страже проходил отвлекающий маневр с бросанием предмета (ёдзи-гакурэ но дзюцу), при горячащемся воине - отвлечение внимание собой (энню но дзюцу), при жалостливом - имитация обморока (ёдзя но дзюцу), при беспечном - прикидывание другом (рякухон но дзюцу).

- Отвлечение огнем (хицукэ но дзюцу). Чтобы убрать людей из интересующих его помещений, пробравшийся в цитадель лазутчик мог применить сей метод и устроить внутри крепости хороший пожар на стороне, противоположной той, куда он хотел проникнуть.

Проскользнув в помещения желанного замка, ниндзя оказывался среди врагов, и его дальнейшие действия определяло конкретное задание. Это могло быть убийство вражеского господина, подслушивание важного совещания, кража нужного документа, диверсионная акция и многое-многое другое. Спрятавшись в укромном месте, агент порой по нескольку дней выжидал удобного момента, чтобы провести намеченное им деяние.

Активные действия осуществлялись в основном ночью, поэтому невидимка должен был хорошо ориентироваться в психологии спящих. Суждения о глубине сна основывались на возрасте, телосложении и привычках конкретного человека, а также на времени года и моменте ночи. Лазутчик знал, что старые спят меньше, чем молодые, что полные спят хорошо, а худощавые - чутко, что осенью и зимой сон менее глубок, чем весной, а летом он особенно крепок после полуночи. По дыханию и храпу можно было определить количество людей в комнате, их пол и возраст, а также отличить притворный сон от реального. Исходили здесь из того, что естественный храп не ровен, тогда как подражания ему - ритмичны. Вдобавок ко всему крепкоспящий обычно не ворочается, а кости и суставы его не производят характерного слабохрустящего звука, который можно услышать в темноте. При выполнении задания спящих обычно обходили, а притворяющихся бесшумно убивали.

Прокрадываясь среди отдыхающих, ниндзя время от времени имити-ровал звуки мелких животных вроде кошки или крысы, маскируя этим свой шум и успокаивая природной естественностью подсознательный ум врага. Будучи на грани обнаружения, он мог также громко и неожиданно заговорить, притворяясь для спящих воинов как бы одним из своих.

Постоянное присутствие бодрствующих людей в нужном агенту помещении порой казалось неустранимой помехой, и тогда на помощь приходил снотворный дым, выделяемый при сгорании бумаги, пропитанной смесью из крови крота,тритона и змеи. При случае можно было подмешать в питье охраны и порошок из семян дурмана, вызывая этим эффект, хорошо знакомый нашим отечественным путанам, применяющим с той же нехорошей целью довольно известный лечебный синтетический препарат клофелин.

Темные коридоры замка делали фигуру ниндзя в оглаживающем контуры тела мешковатом черном одеянии почти незаметной, а прикрытый капюшоном рот заглушал шум его дыхания. Прокрадываясь по каменному или деревянному полу, лазутчик обычно использовал зондирующий шаг, при выполнении которого колени были значительно согнуты, вес удерживался на одной ноге, а проносимая возле опорной лодыжки выступающая стопа легко и осторожно прощупывала преодолеваемое пространство и, не выявив там препятствий или возможности шума, становилась на носок, а затем мягко принимала вес тела, смещаемый теперь на внешний край ступни и пятку. Если впереди оказывалось что-либо настораживающее, зондирующая стопа мгновенно убиралась назад и начинала свое прощупывание в несколько ином направлении. При изменении курса опорная нога становилась так, чтобы у лазутчика не было необходимости проворачивать ее на полу, вызывая этим излишний шум.

Иногда, чтобы не споткнуться о что-либо в темном помещении, ниндзя шел на руках (синсо тохо но дзюцу) либо исследовал путь выставленными вперед ножнами (сайя) меча, которые, упираясь торцом в кончик оружия, как бы удлиняли его и удерживались на нем с помощью веревки (перевязи меча), один из концов которой крепился к сайя, а другой зажимался в зубах. Когда такой щуп случайно задевал спящего, а тот просыпался и вскакивал, ниндзя, опуская веревку, ронял ножны и, делая выпад, поражал мечом ошарашенную жертву, причем трюк этот был довольно надежен, поскольку даже агрессивно реагирующий самурай никак не предполагал, что неожиданный враг находится от него так далеко.

Прокрадываясь по цитадели, лазутчик периодически останавливался, зондируя слухом, зрением, обонянием и осязанием окружающую среду. Обостренное ночное зрение допускало неплохую ориентацию в затемненных помещениях, слух привычно подмечал обеспокоенное жужжание комаров под потолком, позволяющее предполагать, что там устроена засада; кожа надежно улавливала малейшие изменения в температуре и колебаниях воздуха, облегчающие ориентацию в помещениях, коридорах и тупиках замка; изощренное обоняние помогало понять расположение и предназначение комнат и

говорило о присутствии невидимых людей и животных, ну а знаменитое "шестое чувство" (гокуи) предупреждало агента о надвигающейся опасности.

Все эти предосторожности, кстати, были совсем не излишни, ибо ниндзя-лазутчик нередко сталкивался с не менее умелым ниндзей-охранником, и физическое противостояние противников перерастало таким образом в изобретательное соперничество изощренных умов. Дощаты настил веранды, например, конструировали так, что незакрепленный конец доски скрипел под давлением шагов; коридор мог иметь опускающуюся дверь, которая срабатывала от веса тела; проваливающийся люк сбрасывал нежеланного гостя в яму с водой, а отработанная схема тычков копьем из нижнего помещения задевала всякого, кто прятался наверху. Пространство между крышей и потолком оплетали проволокой, соединенной с колокольчиками, а на подходах к резиденции разбрасывали металлические ежи (тэцубиси) и ставили самые разнообразные капканы и западни.

X. ПУТИ СПАСЕНИЯ

В желаемом идеале любая акция ниндзя с позиции обычного человека должна была выглядеть совершенно необъяснимой. Он незаметно проникал куда надо, незаметно творил там свое темное дело и также незаметно исчезал, оставляя позади себя пылающий замок, холодеющий труп вражеского господина или абсолютно уверенных в том, что в их тайные замыслы никто не проник, даймё.

Но оставаться незримым лазутчику удавалось далеко не всегда, да и результат его акций часто будоражил врагов, так что перед возвра-ущающимся призраком возникала очередная нелегкая задача - как бы аio-приличнее ускользнуть из возникающей переделки, ибо захват в тлен означал для него явную мучительную смерть вроде той, которой подвергли знаменитого невидимку Исикава Гоэмона, сварив его заживо в подвешенном над огнем огромном медном котле, заполненном медленно, но упрямо закипающим маслом.

Именно методы ускользания создали вокруг ниндзя мистический ореол некоего сверхнормального существа, и в огне не горящего, поскольку оно само становилось огнем, и в воде не тонущего, ибо почти пойманный призрак неизменно исчезал в обозримых просторах очередной оказавшейся на его пути водяной преграды. В сущности, во всем этом была изрядная доля правды, так как мастерство демона и волшебные техники кудзи но хо неизменно перевоплощали адепта в нужную ему на данный момент стихию: землю, огонь, воду...

Составной частью искусства невидимости (онсин-дзюцу) было овладение пятью принципами ускользания (готон но дзюцу), основанными на китайской теории пяти первоэлементов (кит. усин; япон. гогё). В состав этих элементов, который несколько отличается от тантрического варианта, входили: дерево (моку), огонь (ка), земля" (дзи), металл (сын), вода (суй). Классификация по такой системе, кроме философского осмысления, включала в себя и явный прикладной аспект, суть коего заключалась в отталкивании от предмета, а не от тактики*. Другими словами, подвернувшаяся под руку вещь тут же рождала мысль о том, как ее использовать, тогда как при ином подходе сначала определяли, что не мешало бы сделать, а уж потом, теряя драгоценные мгновения, искали, чем для этого можно воспользоваться. Определенное представление о приложении данной теории к ниндзиным техникам ускользания (тонко) можно найти в нижеследующих и далеко неисчерпывающих примерах.

- Использование при ускользании "дерева" (мокутон). Под "деревом" подразумевались обычные деревья, листва, кусты, трава, лыковые веревки, а также многие другие предметы, ассоциируемые с древесностью. Возможностей здесь было много. Кусты и высокая трава так и манили спрятаться за ними; высокое дерево приглашало взобраться на него и слиться с ветвями и листвой, причем оказавшаяся рядом лиана позволяла незаметно ускользнуть, оставив врага в блаженной уверенности, что призрак находится там, куда он только, что взобрался. Свисающая сверху веревка давала возможность перемахнуть маятником через неодолимое обычным способом пространство, а подвернувшейся палкой тут же оглушали набегающего противника. Очутившиеся под рукой опилки швыряли в глаза преследователей, а бросая в отдаленный куст кусок дерева, можно было отвлечь их внимание в новом и при том спасительно-ложном для лазутчика направлении.

- Использование при ускользании "огня" (катон). В учет шли все эффекты, ассоциируемые с огнем: свет, жар, взрыв, удушающий и маскирующий дым и т.д. Горящий огонь давал идею отвлекающего поджога, причем подпалить можно было либо строение в цитадели, либо, подстроившись под ветер, сухую траву в поле, направляя пожар к встревоженному визитом лазутчика лагерю. Полыхающий костер вызывал острое желание выхватить из него кусок пламенеющего дерева и ткнуть им в лицо настигающего самурая либо метнуть в огонь вспышковую гранату (хидама), мгновенно ломая этим визуальную ориентацию взъяренных преследователей.

Отличными отвлекателями внимания были петарды (райкадама). В импровизированном варианте их хорошо заменяли бросаемые в огонь куски бамбука или каштаны (элемент "дерево"), которые, взрываясь, имитировали оружейные выстрелы и, вызывая у врага мысль о нападении, сеяли в его рядах явную и желанную панику. Лучшую защиту при ускользании давал, впрочем, прикрывающий и подчас ядовитый дым (докуэн-гакурэ), создаваемый специальными дымокурами или дымовыми гранатами, а иногда и простым подбрасыванием в огонь зеленой листвы, аконита или сырого мха.

- Использование при ускользании "земли" (дзитон). К "земле" относились камни, песок, почва и все их производные, вроде каменных стен и глиняных сосудов, а также особенности земного рельефа. Вид стены или соседствующего утеса рождал мысль, что туда можно взобраться и слиться с их монотонным фоном; камни на ночном ландшафте давали идею свернуться клубком и уподобиться им; засеянное поле намекало, что неплохо бы застыть посреди него, имитируя пугало; валун у края скалы так и просил, чтобы его сбросили на головы преследователей; подвернувшийся камешек далеко отбрасывался, отвлекая внимание врага, оказавшийся под рукой песок тут же швырялся в глаза подбегающего агрессора.

- Использование при ускользании "металла" (кинтон). Классикой ниндзя было отвлечение противника бросаемыми сюрикэнами, пачка которых носилась за пазухой у всякого уважающего себя невидимки. Врага можно было задержать, швыряя ему в глаза завалявшуюся в кармане монету либо резко ударяя каким-либо подвернувшимся под руку металлическим изделием наподобие подсвечника или храмовой статуэтки.

Вид раскаленного предмета вызывал неодолимое желание остудить его о тело противника, а при возвращении на базу позади себя обычно разбрасывали хранимые в подсумке железные ежи тэцубиси, кои при возникшей необходимости можно было также швырнуть в лицо набегающего самурая. Четкий звон ударяющей о камень металлической вещицы - монетки, сюрикэна и т.д. - давал еще один вариант уже знакомого нам трюка, отвлекающего внимание преследователей совсем в ином, чем им хотелось бы, направлении.

- Использование при ускользании "воды" (суйтон). Весьма эффективным "растворением" был уход под воду, дыша через выставленную над ее поверхностью тростинку, стебель бамбука или ножны меча. В экстремальных случаях можно было быстро нырнуть в водоем, захватив с собой большой пузырь воздуха, который удерживался в капюшоне и позволял переждать под водой несколько весьма опасных и щекотливых минут.

Плывущий по реке лист наводил на мысль скрыть лицо в зелени маячащей на воде ряски и улизнуть вместе с ней подальше от праведного гнева недоумевающего противника (кицунэ-гакурэ), а водяная гладь замкового рва шептала что, если бросить в нее камень, враг явно ринется проверять, не там ли скрывается лазутчик. Вид горячей воды вызывал естественное желание плеснуть ею в лицо нападающего, тогда как кастрюля над очагом намекала, что ее можно опрокинуть на огонь, вызывая отвлекающий водяной взрыв и облако прикры-авающего уход коварной бестии пара.

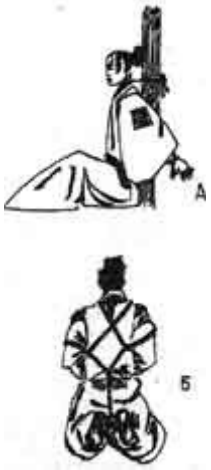


Рис. 68. Способы связывания (ходзе-дзюцу).

Очень помогало в процессе ускользания творческое использование атмосферных явлений (тэн-мон).

Убегать, например, можно было так, чтобы солнце слепило глаза преследователей; наползающая на луну туча предвещала момент не ожидаемого противником изменения метода или направления ухода, а волшебный лунный свет создавал многочисленные тени, в которых легко растворялась смутная фигура хладнокровного невидимки. Падающий снег шутя заметал все следы, а неистовый ливень заглушал шум любых движений и отбивал у догоняющих всякое желание продолжать свою явно сомнительную погоню.

Интересной тактикой было использование при ускользании разнообразных животных (инубуэ но дзюцу). Иногда, например, чтобы испугать врага, в лицо ему бросали вытащенную из кармана змею, а снаружи недружественного замка мо-гли оставить натасканную собаку или обезьяну, которых в момент ухода натравливали на преследователей.

Самое широкое применение у агентов находили различные ослепляющие средства (мэцубуси), изготовляемые на основе едких или абразивных порошков (размельченный перец, зола, известь, толченое стекло и т.д.), которые помещались в пустую оболочку яйца, скорлупу грецкого ореха или бумажный пакет, а иногда и в трубку с затычкой. В последнем варианте в лицо врагу иной раз выдували горящий состав, что наряду с использованием лазутчиком пугающей демонической маски (тактика ониби-гакурэ) наводило на суеверных самураев панический ужас.

Наряду с ослепляющими порошками ниндзя мог применить и "беспокоящие составы", изготовляемые, например, из крапивных колючек, которые высыпали за шиворот наседающему врагу, так что у последнего сразу пропадало всякое желание заниматься чем-либо еще, кроме своего дико зудящегося тела, а также медленно горящие огневые составы, обволакивающие кожу и несколько напоминающие современный боевой напалм.

Насущно необходимым умением любого лазутчика было искусство ускользания из сковывающих его тело узлов (навануке но дзюцу). Хотя техники связывания (ходзё-дзюцу) были в то время хорошо разработаны (рис. 68), ниндзе порой удавалось уходить из самых невероятных опутываний и заломов. Способы освобождения обычно базировались на трех основных методах: смещении суставов, распускании узлов путем катания по полу или различных изгибаний и, наконец, разрезании веревки крошечным лезвием, которое незаметно скрывали в складках одежды, а также в кисти, в ухе, во рту, в волосах, между пальцев ног, под мошонкой и в других не менее оригинальных местах своего тела.

Наиболее сложным, но верным был первый способ, овладение которым было долгим и болезненным. Расшатывание суставной сумки в сочетании с наработкой силы и эластичности связок давало возможность вытащить из сустава любую

часть руки или ноги и придать им самое невероятное положение. Кроме ухода из узлов, такая техника позволяла "просочиться" сквозь очень маленькое отверстие и была неоценимой в совершенно непривычных для самураев приемах ведения безоружной или вооруженной схватки.

Подвергаясь связыванию, следовало раздуть грудь и напрячь, расширяя, свои мышцы, с тем чтобы при последующем расслаблении и выдохе наложенные путы несколько ослабевали. Поскольку в некоторых школах адептам "спрямляли" суставы, и кисти их рук (включая пальцы) не имели никаких зацепляющих выступов, то даже такого простого трюка вполне хватало, чтобы быстро уйти из узлов добротного, но не очень изощренного связывания.

Техники ниндзиного исчезновения (интон), кроме уже упоминавшегося мастерства ускользания (тонко), заключали в себе и искусство прятанья (инпо), которое было полезно не только при неуловимом уходе, но и в моменты прокрадывания или подготовки какой-либо акции. Некоторые из приемов инпо уже упоминались в тактиках готон но дзюцу, ну а здесь мы взглянем на них с несколько иной позиции, опираясь не на используемый элемент, а на техническую общность применяемых способов, среди которых, в частности, отметим:

- Слияние с тенью. В качестве последних обычно выступали тени деревьев, садовых камней, стен, ворот и т.д., причем наименее различимой для людских глаз считалась темновая граница на перепаде светлот.

Особенно богатые возможности предоставляли причудливые тени от лунного света, которые не были жестко унифицированы и обладали широкой изменчивостью, что в сочетании с определенным ухудшением сумеречного зрения противника давало лазутчику неплохой шанс для вполне неожиданного "исчезновения".

- Слияние с объектом. В данном случае моделью для невидимки послужили самоспасающие уловки некоторых диких представителей живой природы, таких, как барсук (тануки), тритон (имори), перепелка (удзура)... Можно было, например, взобраться на дерево и подобно барсуку прижаться к его могучему стволу или толстой ветке, становясь их естественной частью (такунэ-гакурэ), можно было в манере тритона прильнуть к скале или стене и полностью слиться с их неброской поверхностью (имори-гакурэ), и, наконец, можно было подобно перепелу втиснуться в небольшую щель между двумя различными объектами вроде двух деревьев, двух камней, камнем и деревом, скалой и землей и т.д., принимая ее форму и заполняя имеющуюся пустоту своим телом (удзура-гакурэ).

- Имитация объекта. Поскольку в темноте или полумраке многие детали ландшафта были слишком привычны, чтобы вызвать у противни-ка какие-либо подозрения, хитроумный лазутчик мог, сжавшись в ко- мок, притвориться кочкой или камнем; приняв соответствующую позу, стать храмовым изваянием или вазой, а в некоторых случаях и привычным для многих японских полей огородным пугалом (какаси-гакурэ).

- Прятание за объектом. Оказавшись среди товарных запасов - бочонков с маслом, тюков с углем, лесоматериалов и т.д. - скрывающийся агент с удобством устраивался за ними, а в безветренный день с успехом хоронился в высокой траве или кустах (куса-гакурэ). При наличии водных бассейнов призрак мог уйти под воду и дышать через какую-либо трубку (камэ-гакурэ) или прикрыть лицо оказавшимися на водной поверхности водорослями (укигуса-гакурэ).

- Прятание в замкнутом пространстве. Хорошим вариантом являлось затаивание в заранее просмотренном и невидимом снизу дупле большого дерева или же в загодя подготовленной и отменно замаскированной яме. Можно было спрятаться в пустой бочке, ящике, соломенном мешке, каменной вазе и т.д., но при ускользании этот метод не рекомендовали, так как вероятность укрытия там была слишком очевидна, а возможности противодействия связанного замкнутым пространством призрака несколько ограничены. Что же касается классических вариантов пережидания под полом или на чердаке, то они были довольно известны, и многие самураи имели гнусную (с точки зрения лазутчика) привычку: войдя в комнату, первым делом потыкать копьем или мечом вверх и вниз.

Техникам исчезновения очень способствовала уже упоминавшаяся специфично черная маскировочная одежда, растворяющая лазутчика во мраке плохо освещаемых помещений неласкового замка либо на привычном фоне того или иного природного и зачастую ночного ландшафта. Мешковатые балахоны стирали контуры тела, и глаз самурая, настроенный на очертания человеческой фигуры, плохо воспринимал неожидаемое. Сливаясь с предметом или его тенью, ниндзя прикрывал лицо (которое, чтобы не выделяться, было зачернено землей или грязью), закрывал глаза и сосредотачивался на звуках.

Гармонировать с избранной тактикой и сохранять долгую неподвижность невидимке позволяло вживание в соответствующую стихию методами кудзи-ин или специальная медитационная техника остановки дыхания, при которой вдох и выдох делались как бы одним целым и растворялся во всеохватывающем потоке зеликой и универсальной биокосмической энергии ки.

Высшим классом исчезновения, однако, было использование ментальной невидимости, основанной на групповом внушении (а в техническом аспекте - на самовнушении) своего неприсутствия в данном месте. При всей своей изощренности этот трюк требовал определенной предрасположенности, а также хорошего владения техниками ментальной мощи и утонченного гипноза (саймин-дзюцу).

XI ТЕХНИКИ ШПИОНАЖА И АКЦИИ СПЕЦНАЗА

В сложных перипетиях средневековой истории японские ниндзя нашли свое истинное предназначение в тайной поддержке "воли небес", воплощая в жизнь знаменитый даосистский принцип недеяния (кит. увэй; яп. муго), согласно которому действие, способствующее (или не мешающее) естественному ходу событий, не является деянием. И ниндзя стал подлинным мастаком такого вот "недеяния". Волю небес, впрочем, каждый толковал по-своему, и кто знает, что было важнее: божественное предначертание или мастерство человека, проводящего его в жизнь.

Действуя тайно, призрак превращал себя в анонима. Согласно принципу мугэй-мумэй ("ни мастерства, ни имени"), кто он такой, е должен был знать ни друг, ни враг. Он скрывал свое имя и биографию, возможности своего тела и знания ума, место рождения и время своей смерти. Следуя тактике ёмогами но дзюцу, он должен был иметь две параллельные жизни, в каждой из которых у него было свое имя, свое занятие, своя семья. Углубясь в лабиринты истории, можно узнать, что две из трех крупнейших группировок ниндзей, действовавших во второй половине XVI столетия, возглавлял, как полагают, один и тот же человек, выступающий в первом случае под своим родовым именем Момоти Сандаю, а во втором - под псевдонимом Фудзибаяси Нагата. Принцип анонимности работал и на низовом уровне; будучи на грани захвата, лазутчик порой безжалостно изрезал себе лицо, сохраняя при этом сатанинскую репутацию и хотя бы таким образом сберегая свою извечную неузнаваемость.

Далеко не лишним в виртуозной работе умелого шпиона являлось обеспечение деловой безопасности, и поэтому последний тщательно изучал искусство маскировки и играния роли (хэнсо-дзюцу). Исходя из жизненного опыта, были отработаны "семь способов поведения" (сити хо дэ), позволяющие лазутчику бесследно растворяться в обыденной жизни средневековой Японии. Он мог предстать там обычным селянином (цунэгата) или бродячим актером (сарукагу), мог выступить в роли торговца (акиндо) или скитающегося монаха (комусо), мог развлекать толпу как фокусник и жонглер (хокаси) или совершать религиозные обряды под видом буддийского священника (сюк-кэ), ну а при случае принять и облик горного шаманствующего отшельника той же веры (ямабуси).

Этим, однако, дело не ограничивалось; ситуация далеко не всегда умещалась в узкие рамки жестких предписаний, так что мужчине порой приходилось играть роль женщины, бродящего самурая (ронин), а иногда и какого-либо местного божества (коми) из многочисленного пантеона любезной японскому народу религии синто. Надо сказать, что работа под тем или иным прикрытием требовала от лазутчика досконального знания образа жизни и умений применяемой маски (хэнгэн каси но дзюцу), ибо свирепые самураи не очень-то церемонились со всякими подозрительными лицами, резонно полагая, что лучше всего решает сомнительную ситуацию их бритвенно-острый и привыкший подпитывать себя чужой кровью меч.

Одним из основных направлений шпионской работы (тё-хо) ниндзя был сбор различной информации с целью выявления намерений и возможностей предполагаемого или реального противника. Решению такой задачи весьма способствовала структура ниндзиной организации, построенной на основе обширной разведывательной сети, состоящей порой из тысячи и более человек.

Во главе жесткоструктированного клана стоял дзёнин ("верхний человек"), призрак, который благодаря духовному совершенству осознавал окружающую реальность во всей ее первозданной глубине и исходя из этого определял политику наемных контактов, форсировал ход исторических событий и направлял в нужное русло деятельность своей группы. В его распоряжении было несколько - от одного до десятков - руководителей среднего звена (тюнин), выполнявших планирование операций, подбор и подготовку рядовых агентов, а иногда и принимавших непосредственное участие в наиболее одиозных акциях. Каждый тюнин имел в своем подчинении десятки низовых агентов (гэнин), чьими руками и осуществлялась основная черновая работа ночных демонов. Гэнин обычно не знал своего дзёнина, так что, попав в плен, рядовой лазутчик просто не мог сказать, кто стоит за той или иной осуществляемой акцией, и не ставил под удар невидимого главу своего шпионствующего и таинственного клана.

Иногда одна и та же задача поручалась двум не знающим друг о друге ниндзям. Такое дублирование увеличивало вероятность успеха, способствовало получению взаимодополняющей информации, а иной раз позволяло выявить и агента-двойника. Некоторые кланы, однако, состояли всего из трех человек (отца и двух сыновей) и не могли позволить себе разбрасываться людьми, так что порой тот, кто договаривался с даймё, сам же и выполнял доверяемое ему дело.

Получив задание, ниндзя определял возможности его осуществления. Это могла быть одиночная или групповая тайная миссия с незаметным проскальзыванием на территорию и в ставку противника для оценки его сил, подслушивания важного совещания, кражи нужного документа, убийства опасного лидера, "разжигания великой смуты""и проведения других не менее важных диверсионно-террористических мероприятий.

Довольно просто во вражеские владения удавалось проникнуть перед самым началом войны (дзюэи но дзюцу), когда большое скопление людей затрудняло высвечивание и должную проверку инородных лиц.

Действуя подобным образом, ниндзя находил себе из местных жителей помощника (мицумиси), который оказывал ему содействие и предоставлял под базу свой дом.

При долговременной работе предпочитали легальное внедрение во вражеские структуры. Используя тактику фукуро гаэси ("вывернутый мешок"), лазутчик под тем или иным обликом появлялся во вражеском лагере, завоевывал там доверие и в нужный момент наносил решающий удар.

В труднодоступный замок помогала попасть извилистая тактика коми гакурэ "прикрытие богом"), при которой призрак проникал в нужную цитадель весьма обходным путем. Сначала он обеспечивал себя рекомендательным письмом к настоятелю краевого святилища, чтобы заполучить место в призамковом храме или часовне, где обычно хранились семейные документы тамошнего сюзерена. Просматривая их, ниндзя узнавал характер даймё, его привычки, слабости и личные связи. Прощупывая эти связи, он подбирал подходящего человека и через него, наконец, пытался обрести желанный доступ (или устроиться на службу) в намеченную резиденцию.

Другой популярной тактикой легализации в ставке врага была элегантная ямабико ("горное эхо"), следуя которой, известный человек, имитируя разногласия со своим господином, переходил на сторону противника, где умной и верной службой старался обрести его доверие и благосклонность. В уточненном варианте тикю ("опускание тетивы") перебежчик

признавался, что его бегство подстроено, но он и сам давно уже хотел сменить своего хозяина. Иногда вместо одного человека к врагу могла "перебежать" и команда ниндзей (таниири но дзюцу).

Особо перспективным в отдельных ситуациях являлось задействование женщины-ниндзя (куноити-дзюцу), которую можно было внедрить в замок в качестве танцовщицы, воспитательницы или культовой жрицы мико. Кроме стандартного владения телом и оружием, куноити обучались должным манерам и этикету. Предназначенные в наложницы проходили специальную выучку в искусстве обольщения, используя, например, такие трюки, как применение в моменты встречи дыхания через обе ноздри, смазывание секретом своих половых желез за ушами и позади шеи или употребление особой возбуждающей косметики, изготовленной на основе возгоняемой камфоры в сочетании с некоторыми другими природными летучими веществами.

Обосновавшись на месте, ниндзя приглядывался к окружающим, помятую вещие слова старокитайского эрудита Ду Му (803-852 гг.): "Среди чиновников противника есть люди умные, но потерявшие должность; есть люди провинившиеся в чем-то и подвергшиеся за это наказаниям; есть любимцы, жадные до богатства; есть люди, поставленные на низшие должности; есть люди, не выполнившие возложенных на них поручений; есть люди, стремящиеся приобрести более широкое поле для приложения своих способностей, пользуясь несчастьем других; есть люди, склонные к хитрости и обману, двоедушные. С такими людьми надлежит тайно вступить в шпионские сношения, щедро одарить их, привязать их к себе и через них узнавать о положении в их стране, разведывать о планах против себя, а также заставлять их сеять рознь между их государем и его вассалами".

Следуя своей "темной" мудрости, призрак действовал при этом по двум направлениям: разузнавал о лицах, по той или иной причине недовольных своим сюзереном, желающих разбогатеть, повышенно амбициозных (сатобито но дзюцу), и оценивал людей, которые по своему социальному или служебному положению могли быть в чем-то полезны, если бы к ним удалось подобрать ключик (миномуси но дзюцу). В первом случае он через слабости человека выходил на его полезность, а во втором - исходя из его полезности, искал у него слабости, стремясь сделать разрабатываемого вассала "червем в теле" (миномуси) своего господина.

Изучая личность, учитывали мнение окружающих и факты биографии, анализировали слова и поступки, использовали технику чтения людей по лицу и фигуре. Последняя методика давала мгновенное знание человека и была поэтому особенно популярна. Так, разно-растущие зубы (одни - вовнутрь, другие - наружу) говорили о склонности изменять свои намерения, прямоугольность рта при смехе ("рот дьявола") намекал на эгоцентризм, хорошо развитые ноздри свидетельствовали о решительности и храбрости, заостренные вверху уши заявляли об агрессивности и узкомькугаи, а большие глаза сообщали о мягкости характера.

Особое внимание обращали на состояние санпаку ("тройная белизна"), когда либо сверху, либо снизу глазной радужки просматривалась белизна склеры. При верхнем санпаку от человека следв-вало ожидать жестокости, агрессивности и необузданности, тогда как нижнее санпаку говорило о неспособности ума принять правильное решение, а при особой выраженности - о большой вероятности скорой насильственной смерти.

Подход к людям ниндзя осуществлял на основе принципа пяти душевных состояний и пяти желаний (годзё-гоёку) человека. Здесь использовали: его сострадательность (аися), вспыльчивость (дося), чувственность (кися), леность (ракуся), кротость и трусливость (кёся). При этом сострадательных нужно было брать жалкостыо (тактика ветра), вспыльчивых - провоцировать на опрометчивый поступок (тактика воды), чувственных - ублажать удовольствиями и женщинами (тактика пустоты), ленивых - привлекать красотой беспечной и легкой жизни (тактика земли), а трусливых - покорять устрашающими трюками (тактика огня).

Пятью желаньями человека являлись стремления: к славе, к удовольствиям, к богатству, к сексуальным наслаждениям, к обладанию землей. Подгоняя ситуацию под возможность осуществления этих же-ла-ний, призрак легко манипулировал той или иной личностью, верно, но осторожно направляя ее подрывную деятельность в нужное для себя русло.

Интересные возможности одурачивания врага и получения от него нужной информации представлял вариант фукурогаэси дээн дзюцу. Следуя сей тактике, ниндзя изготовлял фальшивое письмо от вражеского даймё и вручал его одному из дальних родственников данного сюзерена, обещая передать назад ответ. Прочитав этот ответ, призрак подменял его своим текстом и таким образом поддерживал возникшую по его воле переписку. Благодаря читаемым письмам, он мог не только узнавать планы врага, но и стребовать с него нужную информацию, а при необходимости и поссорить родственников.

Весьма популярным средством управления любым противником являлась дезинформация. "Война - это путь обмана", - утверждал китайский стратег Сунь-цзы, и ниндзя в полной мере осознали великие возможности такого изысканного пути. Подсовываемые врагу сведения могли содержать: неверную дату нападения, ложное направление удара, занижение (или завышение) численности своих сил, фальшивые планы боевых операций, оговор важных лиц и т.д. Подбирая обманывающие материалы, следовало учитывать характер человека, для которого они предназначались, ибо различные люди на одни и те же факты реагируют совсем по-разному.

Методов запуска дезинформации существовало много. Можно было "потерять" документ или подсунуть его вычисленному шпиону; можно было, переодевшись странствующим монахом, сообщить вражескому чиновнику о том, что якобы видел по дороге; можно было разыграть роль перебежчика, обладающего важными сведениями, ну а при более сложном варианте позволить схватить себя, идя через земли противника с "секретным" посланием (хатаруби но дзюцу). Главным условием всех этих действий считалась естественность, ибо умный враг мог не клюнуть (или только сделать вид, что клюнул) на грубо сработанную и неумело подкинутую фальшивку.

Составной частью искусства шпионажа являлось выявление и нейтрализация чужих агентов. Чаще всего при этом использовали знаменитую тактику ямабико ситю ("прислушивание к эху"), ставшую классической для многих контрразведок как прошлого, так и настоящего времени. Действуя по такому методу, подозреваемым подбрасывали "горячую" информацию и наблюдали за их поведением. Специально подобранные сведения требовали быстрого реагирования, ибо пренебрежение ими и непринятие срочных контрмер были бы губительны как для шпиона, так и для его господина. В качестве фактуры обычно предлагались: данные о ниндзя, посланном с террористической акцией, свидетельство об опасном внутреннем заговоре, скорая дата предполагаемой атаки, намек на разоблачение и т.д.

Раскрытого, а порой и просто подозреваемого агента обычно убивали, хотя в некоторых случаях ему предлагали работать на нового хозяина, разыгрывая на сей раз роль двойника или, по терминологии Сунь-цзы, "обратного шпиона" (тэнсуи но дзюцу). При этом, однако, следовало учитывать (а иной раз и специально рассчитывать), что схваченный лазутчик мог лишь притвориться в своей измене и, "затаившись подобно ослабленному луку", всегда быть готовым к действию, используя любую подвернувшуюся возможность, чтобы ускользнуть к своему прежнему сюзерену (тикю но дзюцу).

Одной из важнейших задач ниндзя в период непрекращающихся войн являлась диверсионная работа в тылах противника, явно способствующая достижению несомненной победы союзного господина (тикаири но дзюцу). Очутившись тем или иным образом на вражеской территории, лазутчик мог, притворившись собратом-воином, сеять там панические слухи и, выражая шумное недовольство, подстрекать народ к неповиновению (гэйню но дзюцу); он мог во время боя подпалить в лагере неприятеля несколько строений, вызывая в его рядах замешательство и панику (хока но дзюцу); он мог открыть ворота осаждаемого замка своим войскам или, воспользовавшись уходом врага в ночную атаку, захватить цитадель с помощью небольшой группы сотоварищей (катагатаэ но дзюцу)', он мог также похитить важного сановника, и, оперируя им как заложником, потребовать у противной стороны определенных уступок (рёхан но дзюцу) и, наконец, он мог использовать страхи и суеверия врагов, чтобы вынудить их поступить так, как ему хочется (кёнин но дзюцу).

Когда союзные войска обкладывали непокорную крепость, очень действенным средством считалось тайное уничтожение (поджог, отравление, загрязнение) всех пищевых запасов запертых там людей (тосёку но дзюцу), так что руками коварного лазутчика противника вынуждали либо капитулировать, либо умереть от голода, либо попытаться прорваться, либо, спасая свою честь, совершить массовое самоубийство (сэппуку).

XII. ИСКУССТВО ГАСИТЬ ОБЛИКИ

Одной из самых неприятных для врагов, но ценных для друзей обязанностей ниндзя было фатальное устранение различных лиц, мешающих, по их мнению, "естественному ходу событий"; и именно эти попытки привели к тому, что разгневанный Ода Нобунага разгромил объединенные силы ниндзей Ига и Кога, положив отчетливое начало закату сих некогда могущественных и таинственных кланов.

Но призраки "брали жизнь" не только у лидеров. Порой следовало устранить и предателя, изменившего семье, и становившегося опасным свидетеля, и мешающую делу охрану, а при необходимости - совершить пугающее массовое уничтожение той или иной группы недружественных самураев. "Искусство гашения обликов" (катакэси но дзюцу) было отточено ниндзя до пугающих тонкостей. Основным условием здесь была таинственность смерти; никто не должен был знать, чьи это руки отсекли голову неугодного клану князя, и почему вдруг ни с того ни с сего скончался пышущий здоровьем любимец даймё. Попытки ретивых слуг задержать убийцу на месте преступления кончались для них летально, а непостижи-мое исчезновение врага с по-ля событий заставляло васса- лов верить, что все это дело рук коварного дьявола.

Рис. 69. Использование духового ружья (фукия)

Незаметное уничтожение человека в толпе было для каждого невидимки рядовым делом. Одна из стандартных техник с использованием ножа, известная, впрочем, и во многих других странах, была весьма проста. В исходном положении опущенных рук лезвие сжимаемого в кисти оружия скрытно ложилось вдоль внутренней стороны предплечья, так что ниндзя ничем не отличался от обычного безобидного прохожего.

Проходя мимо идущего навстречу индивида, следовало простым щелчком запястья выставить клинок и коротким нечитаемым взмахом руки всадить его в ближайшую почку ничего не подозревающей жертвы, а затем спокойно, не ломая ритма и направления своего движения, раствориться в обыденно шумящей и ни о чем не догадывающейся толпе окружающих.

Техника бесконтактного убирания часовых или своих же только что схваченных врагом собратьев с целью не допустить малейшей утечки информации о проводимой акции была довольно проста. При этом обычно применяли отравленные иглы, посланные из миниатюрного духового ружья (фукия), весьма точного и опасного на ближней дистанции, не превышающей где-то десяти шагов (рис. 69). Крошечность иглы, бесшумность выстрела и быстрота действия яда вызывали у врага

паническое непонимание и вынуждали считать такие атаки происками каких-то злых демонов. В качестве яда здесь, как правило, использовали желчь рыбы фуга или выделения из желез, расположенных позади глаз одного из видов японской жабы.

Чтобы извлечь токсин, жабу накалывали на вертел и поджаривали на огне, пока на коже не образовывались волдыри. Просочившийся секрет собирали в сосуд и подвергали ферментации. Яды, как очень сильный аргумент во всяком хитром противодействии, всегда были излюбленным и хорошо изученным оружием любого опытного лазутчика. Для "гашения" отдельных лиц, например, можно было накрошить им в салат листьев томата, вызывая этим сердечную аритмию, или же накормить их не имеющей никакого противоядия но приятной, на вкус .бледной поганкой. причём для смертельного отравления вполне хватало половины сего коварного гриба. Очень эффективным считалось протирание пищевой посуды куском сырого мяса одного из видов рыбы фуга (иглобрюха), в результате такой акции едок получал паралич мышц, потерю сознания и смерть от остановки дыхания. Особой изощренностью обладала система замедленного отравления, когда жертва умирала через несколько месяцев (а иной раз и лет) после приема яда. Полагают, что такое действие оказывала, в частности крепкая заварка японского зеленого чая, протомившаяся в земле около полутора месяцев.

Задачу по одновременной ликвидации большой группировки излишних, по мнению клана, лиц чаще всего осуществляли на общих праздничных трапезах, добавляя в пищу пирующих яд (цианид), изготовленный из косточек слив, вишен, миндаля, персика, а иногда и из молодых побегов бамбука. В некоторых случаях можно было подмешать к питью мелкие (1-2 мм) острые волоски бамбуковой оболочки, которые легко проникали в кровь и обеспечивали ее отравление бактериями, находящимися на своей совершенно нестерильной поверхности. Эти же бамбуковые волоски могли входить и в состав контактного яда, которым, при необходимости, смазывали одежду намечаемой жертвы.

Любопытным методом устранения опасных субъектов было искусство смертельного касания или отсроченной смерти (сан-нэн-гор оси и дзю-нэн-гороси). Эта система значительно отличалась от простого силового воздействия на уязвимые точки, хотя и там, как уже говорилось, смерть могла наступить без какого-либо внешнего повреждения. При смертельном касании атака шла на энергетическом уровне; с помощью своей ки здесь пытались создать летальный разбаланс жизненной энергии, текущей по меридианам тела противника. Техника была сложна не столько в исполнении, сколько в знании особых точек и космологическом выборе опасного для данного индивида (и точки) момента, а также в умении управлять течением своей собственной ки.

Энергия сердца, к примеру, максимальна жарким летом, при полнолунии, в час дракона (с 11 до 13 часов), и у лиц ё-конституции, родившихся в августе. Чтобы поразить такого противника смертельным касанием, следовало в уязвимый момент легко ткнуть его в точку ко-кэцу (точно под подложечной ямкой) кверху (в направлении течения ки) на своем выдохе (чтобы дать выброс энергии), а его - вдохе (чтобы он поглотил эту энергию). Результат подобного воздействия зависел от мастерства исполнителя. Если удар был слишком силен, то происходило перевозбуждение сердца, вызывающее мгновенную смерть; более слабый физический контакт давал эффект через несколько часов, а при легком касании мастера, не оставляющем никаких следов, нарушения в энергетическом балансе приводили к летальному исходу через несколько дней, месяцев или даже лет.

Используя тот же принцип, можно было, как утверждают некоторые, убивать врага даже в бесконтактном варианте. Выждав соответствующий предыдущему случаю момент, следовало создать ситуацию, вызывающую у намеченной жертвы сильную эмоцию (гнев, радость, горе), в результате которой в кровь выбрасывался адреналин и перевозбужденное сердце ломало свой ритм и останавливалось.

Значительно меньше мастерства, но больше хитрости и коварства требовал другой "бесконтактный" метод, следуя которому опасного человека убирали руками его господина. В этом стиле, например, любил работать умнейший феодал, но злейший враг ниндзя Ода Но-бунага. Одна из его первых операций такого рода заключалась в том, будучи женат на дочери крупного даймё из соседней провинции, он вдруг стал каждую ночь на несколько часов удаляться из спальни. На почтительны вопрос жены, чем это вызвано, Ода "откровенно" ответил, что переманил на свою сторону двух влиятельных вассалов ее отца, которые должны ночью убить последнего и подать сигнал, с тем чтобы одни войска пошли на захват обезглавленных земель; и вот он таким образом каждую ночь в назначенный час ждет этого сигнала.

Рис. 70. "Гашение" клязя внедренной к нему в наложницы куноити.

Услышав коварный рассказ, взволнованная жена Нобунага тут же дала знать о "заговоре" отцу, а тот, поверив словам дочери, казнил двух верных военачальников, значительно облегчив вероломному соседу последующий захват своей богатой территории.

Получив задание, ниндзя тщательно изучал возможности его осуществления. В учет брались: фактор времени, характеристики окружения и охраны, нрав и привычки самой жертвы, распорядок ее дня, а также различные предполагаемые события, ломающие эту обыденность. Прокручивая в уме все вышеупомянутые моменты, агент искал в них слабое звено, не забывая, впрочем, и про случай, который порой подворачивался в самый неожиданный момент и давал шанс, упустить каковой представлялось бы роковой ошибкой.

При наличии времени можно было, применяя уже известные нам тактики камигакурэ и ямабико, легально внедриться в замок, ну а там действовать по возникающим обстоятельствам. Используя принцип человеческих слабостей (годзё-гоёку), призрак мог найти в лидере какую-либо уязвимость и, если тот, к примеру, был сладострастником, подсунуть ему прелестную женщину (тактика к у н о и т и) с тем, чтобы после ночи любви она прикончила своего высокопоставленного любовника, пронзая его горло специально предназначенной для этой цели удлиненной заколкой для волос (кансаси), причем последняя зачастую, была еще и отравлена (рис. 70). Вариантом данной тактики проходил случай, когда в роли красавицы выступал сам ниндзя, как это имело место в истории с легендарным воином Ямато Такэру, который под таким видом проник на пир к возглавлявшим мятеж на острове Кюсю братьям Кумасо и прикончил не ожидавших от юной прелестницы такой прыти обоих.

Искомым слабым звеном мог оказаться и ненадежный человек из свиты лидера. Прощупывая его на тот же принцип пяти слабостей (г о дзё-гоёку), призрак в случае удачи подкупал изменника или же каким-либо другим образом убеждал его в явной необходимости уничтожения своего господина.

Когда времени на психологическую обработку объекта или его ближайшего окружения не было, да и сам ниндзя предпочитал работать в несколько ином стиле, предпринималось тайное проникновение в цитадель с упованием на необычайную изощренность уникального ниндзиного мышления и феноменальную подготовку его сильного и ловкого тела. Так, при одном из покушений на Ода Нобунага, уже упоминавшийся нами призрак Исикава Гоэмон ухитрился проскользнуть в мансарду над спальней грозного феодала и, проделав в потолке точно над изголовьем его постели отверстие, свесил оттуда тонкую нить, разместившуюся над губами спящего господина, а затем, капля за каплей, стал отправлять по этой дорожке жидкий смертельный яд в рот своей жертвы. Чуткость сна воина спасла полководца, и он вовремя проснулся, но поймать ловкого ниндзю на сей раз, однако, так и не удалось.

Еще одним нестандартным способом уничтожения князей являлось, как полагают, подбрасывание в спальню врага ядовитого скорпиона, хотя, надо признать, смертоносность этого существа несколько преувеличена, и здесь больше бы подошла знаменитая "черная вдова" (каракурт), которая по своей собственной инициативе не (раз проводила подобные акции во многих сельских клозетах калифорнийской Америки.

Поскольку в родной резиденции при соответствующей охране осуществить покушение на крупного лидера порой было очень трудно, для этого иногда использовали его выходы из ставки. Убийство в таких случаях могло, например, происходить в форме изобретательного ночного выстрела, показанного Акира Куросава в его довольно известном фильме "Тень воина" или наподобие "загадочного" вздергивания на дерево, которое удосужился испытать некий высокопоставленный самурай, когда он на несколько секунд скрылся за лесным поворотом из глаз своих многочисленных и хорошо вооруженных конных сопровождающих.

Определенное представление о практике ниндзиных акций дает" хорошо известная история о покушении на крупнейшего полководца и феодала Уэсуги Кэнсина, осуществлявшемся по заданию его жестокого конкурента Ода Нобунага. Задуманная операция осложнялась тем, что охрану Уэсуги обеспечивал хорошо знающий свое дело и все возможные трюки противника опытный и умный ниндзя Касуми Дандзё.

Противники стоили друг друга, и группе одних ниндзей под руководством некоего Кэмпати удалось-таки проскользнуть в резиденцию даймё; однако их присутствие там не осталось незамеченным.

Организовавшему поиск Касуми удалось засечь ускользающую фигуру человека, но когда он с несколькими телохранителями бросился в погоню, то был встречен отравленными иглами, выпущенными из духовых трубок затаившихся на потолке ниндзей Кэмпати. Касуми и его люди были сражены наповал. Форсируя акцию, Кэмпати кинулся в покои их господина, но неожиданно наткнулся там на "ожившего" Дандзё, который в яростной схватке свернул ему шею.

Дело, однако, этим не ограничилось. Неделей раньше в замок Уэсуги с тем же заданием был послан карликовый ниндзя Укифунэ Дзинаи, имевший рост не более одного метра. Изучив ситуацию, он выбрал свой вариант действий, и пока в цитадели шел вышеупомянутый поединок ниндзей, Укифунэ в скрюченном состоянии висел над фекалиями в нижнем отделении личной уборной могущественного даймё. И вот, когда умиротворенный удачей своей охраны Кэнсин устроился там на корточках, копье Дзинаи пронзило князя, войдя в анус и выйдя через рот. Прибежавшие на душераздирающий вопль сюзерена телохранители обнаружили его уже мертвым, но убийцы нигде не было. Сделав дело, Укифунэ погрузился под массу фекалий и, дыша через трубку, затаился, выжидая, пока Дандзё и его люди не унесли охладевающий труп своего злосчастного господина. После этого он выбрался из уборной и беспрепятственно ускользнул из горемычного замка, с честью выполнив суровый приказ грозного и всесильного властелина - Ода Нобунага.

Анализируя сие покушение, мы можем найти в нем многие весьма характерные для тайных деяний наших извечно загадочных и роковых воинов-невидимок моменты. Сюда входят и посыл с одним заданием двух не знающих друг о друге команд, и "засада с живцом" для уничтожения охраны, и имитация смерти, позволяющая сбросить себя со счетов, а затем ошарашить успокоенного врага неожиданностью, и нахождение слабого звена в распорядке дня своей жертвы, и, наконец, полное отсутствие брезгливости ради достижения намеченной цели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы прошли по зыбким следам неуловимых ночных демонов средневековой Японии. Наш обзор был вынужденно фрагментарен и, пожалуй, не всегда точен; трудно говорить о тайнах, отблеск которых сохранился лишь в глазах современных энтузиастов, пытающихся воссоздать это таинственное и беспощадное к себе искусство. Но что они могут возродить? Систему боевой подготовки и психофизический тренинг? А ведь клановое ниндзюцу не только это и даже совсем не это. Нетрудно, конечно, облачиться в черный балахон и нацепить на руки когтевые браслеты, но можно ли имитировать саму жизнь?

Одним из принципов ниндзя было стремление добиваться максимума эффекта минимумом усилий, и потому немножечко дико смотрятся в популярных фильмах средневековые мечи, противостоящие современному автомату. Но не стоит впадать и в другую крайность; еще "белокурые бестии" "третьего рейха" пытались использовать для бесшумного снятия часовых древний арбалет, а в боевой арсенал современных спецгрупп прочно вошли и ниндзины сюрикэн и окинавское нунчаку.

Пожалуй, элитарный спецназ в какой-то мере продолжает традиции ниндзюцу; но только в какой-то мере. В такой же небольшой мере следуют по этому пути политическая и военная разведки. Подобрались к ниндзя и асы промышленного шпионажа, поражающие деловой мир исключительной изобретательностью, изощренными техсредствами и личным авантюризмом. И кто знает, может, со временем на нашей грешной земле возникнет новый клан, пропитанный неумирающим духом этого древнего японского искусства, который, развив забытые и восприняв новые идеи в технике, магии и психологии, будет следовать великим путем мироздания и, оставаясь невидимым, созидать историю, опираясь на свои сверхчеловеческие умения, недоступные усталым и думающим только о своей жалкой судьбе обывателям.